

Дмитрий Селин

Судьба наизнанку

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Селин

Судьба наизнанку

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Селин Д.

Судьба наизнанку / Д. Селин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-2561-2

Не ты выбираешь время - время выбирает тебя. Большой кусок межмайданной Украины с центром в Харькове и немного территории Белгородской области РФ вдруг очутились среди СССР самого сурового, довоенного образца. Что на это скажет товарищ Сталин и что сделает товарищ Берия - не имеет никакого значения. Если ты сам готов отвечать за свою судьбу. Способен? Будем посмотреть. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-2561-2

© Селин Д., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Дмитрий Селин
На правах рукописи
Нижний Тагил, 2008-2014 гг
'Судьба наизнанку'
Роман
Альтернативная история

*Такая тоска – не знать куда пойти
Мы пойдём туда, где разрывается ткань.
В одну семью из другой семьи
Нас разбудили в такую крошечную рань!
'Наутилус Помпилиус' 80-е годы 20 века*

Глава 1

– Петр Викторович, к Вам гости – голос секретарши в селекторе звучал немного испуганно.

– Как они представились?

– Они – секретарша ойкнула – из Службы Безопасности

– Пусть заходят, раз такие вежливые.

Молодой мужчина сидевший за большим столом в высоком 'директорском' кресле встал и пошёл к двери просторного кабинета. Обитая кожей дверь распахнулась, впуслав трёх мужчин в строгих костюмах.

– Здравствуйте, здравствуйте товарищи, проходите. Может быть, чайку? Кофе?

– Нет, спасибо, мы на службе – Старший из трёх вошедших – Петр определил его как лидера – внимательно смотрел на директора фирмы.

– Что Вы на меня так смотрите, уже робу прикидываете? – Петр попробовал пошутить, но вышло как-то натянуто.

– Не узнаете? – Старший провёл рукой по начинающим сесть волосам.

– Нет, хотя... Сашка, ты что ли?

– Узнал – старший повернулся к слегка расслабившимся подчинённым – я с ним пять лет на Малышева в одной бригаде отработал, сначала на механосборке, потом, когда Пётр в инструменталку мастером ушёл, он меня за собой переманил.

– Давненько это было Саша, да.. Нет, так не пойдёт – Петр нажал кнопку 'секретарь' селектора.

– Маша, организуй нам чай. С печеньем.

"Гости" от чая не отказались, но пить его полностью не стали, только пригубив. Старший, сделав один глоток, поставил его на стеклянный столик, за которым сидели эсбешники и директор. Сказал официальным тоном.

– Властью города Харькова принято решение произвести перепись всей компьютерной техники, находящейся в предприятиях и организациях. Вся вычислительная техника, неиспользуемая в непосредственной деятельности, в случае необходимости, подлежит изъятию в фонд города с выплатой материальной компенсации. Перепись проведут мои сотрудники, прошу оказывать им содействие. Ничего скрывать не рекомендую.

Директор немного опешил.

– На каком, собственно, основании?

– На основании вот этого постановления – коренастый помощник Александра раскрыл кожаную папку, достал оттуда два листа бумаги – прочтите и распишитесь.

Петр пробежал глазами короткое постановление, взял второй лист, прочитал и его, сравнил оба текста, словно пытаясь найти какую-то зацепку.

– Как же мы будем работать? У нас на складе ассортимент больше двух тысяч наименований, сотрудников сто семь человек, бухучёт, зарплата – он говорил, переводя взгляд с одного эсбешника на другого, но профессионально непроницаемые лица не дрогнули.

– Во первых, постановлении сказано "неиспользуемая в непосредственной деятельности", во вторых "в случае необходимости". Сейчас у Вас никто ничего забирать не будет – в разговор вступил третий сотрудник, полноватый мужчина предпенсионного возраста – зачем Вашей секретарше компьютер, пасьянс раскладывать?

Директор с сожалением посмотрел на говорившего, лишь взглядом выражая сомнение в его умственных способностях.

– Мария Викторовна ведёт деловую переписку, клиентскую базу данных, выполняет функции инспектора отдела кадров и другую "бумажную" работу, без которой в современном предприятии не обойтись.

– А кому сейчас легко? – парировал Александр – читайте постановление, там сказано, что после письменного предупреждения о изъятии даётся недельный срок на распечатку и копирование нужной информации.

– Куда копировать, если Вы всю технику реквизируете?

– Ещё раз – не всю и не сейчас. В постановлении сказано "не более двух третей от общего количества"

– Ага, семь шкур сдираем, восьмую оставляем.

– Не рекомендую так шутить, особенно сейчас. Сколько компьютеров в Вашей фирме? Впрочем, не надо – мы сами увидим. Попросите бухгалтерию предоставить нам список основных средств по группе "вычислительная техника", заверьте его, и мы начнём работать.

На всё про всё у эсбешников ушло около часа. Всего-то делов – пройти с распечаткой по отделам, открыжить галочками имеющуюся в наличии технику, сверить номера и комплектность. Когда они вернулись подписывать документы, Пётр почти допил чайник.

– Итак, Пётр Викторович, что мы имеем. По состоянию на 1 июля на вашем предприятии числятся 12 компьютеров. Три в бухгалтерии, два в отделе продаж, два в производственном отделе, один в экспедиции, один у секретаря, один у Вас на столе. Где ещё два?

Петр хотел было возмутиться "мол, а вам-то какое дело", но сдержался, памятуя о брошенных, словно невзначай, словах старшего.

– Выделенный интернет-сервер стоит в помещении охраны на первом этаже. Через него подключены все арендаторы, а числится он на нашем балансе. Второй... – Петр слегка на секунду задумался – Ноутбук у меня дома.

– Хорошо – эсбешник кивнул, словно поощряя за откровенность – Сергей Ильич – он обратился к пожилому сотруднику – прошу внести эти данные в опись, а Вас, Петр Викторович, подписать "С моих слов записано верно". Ну, как обычно – дата, подпись.

– Время ставить не надо? – Пётр взял ручку с логотипом фирмы – где написать?

– Вот здесь, под общим итогом.

Петр быстро вписал нужные слова, подписался, поставил дату и время. Протянул листы Александру.

– Печать у секретаря.

– Спасибо за сотрудничество, вторые экземпляры завтра можно будет получить в городской администрации. В отделе мобресурсов на втором этаже.

Когда посетители ушли, Петр некоторое время сидел в кресле, запрокинув голову. Мысли путались и цеплялись друг за друга, настроение совсем испортилось. Просидев так

минут пять, он вздохнул и рывком поднялся из кресла. Выйдя из-за стола, он подошёл к окну, проводил взглядом усаживающихся в служебный микроавтобус 'Форд' эсбушиков. Когда наследники «советской гэбни» уехали, он вернулся к своему рабочему месту. Нажав кнопку на селекторе, вызвал бухгалтерию.

- Анну Владимировну, пожалуйста.
- Её нет на месте – прощепетал девичий голосок – но она через пять минут будет.
- Как придёт, попросите её зайти ко мне.
- Обязательно, Пётр Викторович.

Не дожидаясь главбуха Пётр достал мобильник, быстрым набором вызвал абонента. "Абонент временно недоступен" ответил кусок пластмассы. Со вторым номером приключилась та же история. Третий он набрать не успел. Дверь без стука и слов секретарши открылась, впустив в кабинет ухоженную женщину на вид слегка старше среднего возраста в дорогом брючном костюме светло-кремового тона. Она уверенно прошла к директорскому столу и села на ближайший к нему стул – в углу, образованном столом Петра и столом для совещаний.

- Петя, кто это такие? Я пришла, когда они уже всю фирму прошли. Кто они?
- Эсбешники, мама – Пётр скривился, как будто подавился лимоном – компы переписывали.
- Зачем? Что им от нас надо? У нас ведь всё в порядке!
- Что, что, сказал же – компьютеры! – Пётр зло крутил в руках дорогой мобильник – наши новые власти озаботились созданием собственного "золотого запаса".
- Золотого?
- В смысле стратегического резерва и обеспечения новых денег. Давно один умник мудро заметил "Покупайте землю, её больше не производят". В нашем случае эта мысль упростилась, звучит она так "Собирайте под одной крышей то, что больше не производят и не произведут никогда при нашей жизни". Вот они и начали. Пока перепись, учёт и контроль. Затем – "Граждане, сдавайте валюту", тьфу, компьютеры. Хотя у них может хватить ума и доллары с евро обобществить.

- Женщина слушала этот монолог, растерянно глядя на старшего сына.
- Что же нам делать? – спросила она.
- Что, что – как всегда. Отнестись к государству так, как оно относится к нам. Ладно, давай о деле поговорим. Машкин ноут вы уже успели на учёт поставить, а мой и Ольгин? В списке их не было, но может вы успели их в базу завести?
- Нет ещё, до отчёта неделя, успеем.
- Ну, уж нет. Все первичные документы надо изъять и уничтожить. Мы ведь их за наличку брали?
- Да, платёжка не прошла, в реквизитах ошиблись, пришлось Маше деньги из кассы брать.
- Кассу так же надо подправить. Заодно посмотреть, что ещё такого же ценного из учёта выдернуть – не провести, списать задним числом.

В кабинет без стука заглянула светловолосая девушка лет двадцати – двадцати пяти, одетая в консервативном офис-стиле. Светлая блузка и тёмно-серая юбка дополнялись чёрными туфельками на низком каблуке.

- Петя, домой поедешь?
- Нет, Маша. Антоха скоро приедет, у него ещё осталось.. – Пётр посмотрел на часы – нет, он уже всё развёз, едет обратно. Езжайте с ним. Я останусь.
- Девушка сморщила носик.
- На "Газели", фи.

– А кому сейчас легко? – сказал Пётр с интонацией эсбешника – скоро все пешком ходить будем. Маршем и с песнями.

– Ладно, ворчун, пока – Маша упорхнула в приёмную, не забыв закрыть дверь.

– Пока, пока – сказал Пётр закрытой двери. Дождался ухода главбуха, подошёл к стоящему слева от входа большому аквариуму, включил подсветку и стал, засунув руки в брючные карманы, наблюдать за рыбками. Мысли лениво роились, всё время, возвращаясь к проклятой дате переноса в этот чуждый для многих мир.

Сам момент переноса никто не заметил. В субботу, 21 июня утром, Пётр с семьёй заехал на служебном 'Соболе' к родителям и все вместе они отправились на дачу, отдыхать. День выдался жарким и безветренным, близнецы под присмотром жены и младшей сестры бултыхались в синем надувном бассейне. Мама пропалывала грядки, а отец, сам Пётр и младший брат Антон, погодок Маши, занимались перекладкой шифера на крыше дачного домика.

– Пап, сколько раз тебе говорил – давай что-нибудь современное положим, нафиг с этим барахлом возится – говорил Пётр отцу, подтягивая на верёвке шиферные листы.

– Тебя послушать, у нас всё барахло – отвечал отец, заколачивая шиферные гвозди. – устаревшее, несовременное. Только с тем, что ты предлагаешь, я работать не умею. Ай, бл..!

Молоток скользнул и врезал отцу по указательному пальцу.

– Это что за выражения! – немедленно отозвалась с грядок мама – здесь дети, Витя!

– Дети, внуки – отец подул на ушибленный ноготь, помахал рукой – они сами нам такое расскажут, что мы и не знаем. Да, Аня?

Но его жены уже не было на участке, она вышла на межу и увлечённо обсуждала капустные перспективы с соседкой.

– Так вот – он наставил ушибленный палец в сторону сидевшего на коньке Петра – ты, что нам с матерью в прошлом году насоветовал, бизнесмен ты наш? Баню металлочерепицей покрыть, мол современно и красиво. Чуть подороже шифера выйдет. А что получилось?

– Красиво получилось – Пётр кивнул на стоявшую в углу участка баню, покрытую тёмно-зелёной металлочерепицей, из крыши поднималась высокая блестящая труба с петухом на флюгере – плохо что ли?

Ответил он без особой уверенности в голосе, уже понимая, куда клонит его отец.

– Красота эта нам с матерью в такие деньги обошлась! Не знаешь сколько всё стоит будет – не лезь с советами! Ещё ведь переделывать пришлось! Спасибо Алексею, приехал, посмотрел, нормальных специалистов пригласил, а так в дождь залило бы всё – он оглянулся, жена вернулась к грядкам – нафиг.

– Анто-о-он – позвал он, не найдя внизу у стопки шиферных листов младшего сына. Антон появился через минуту, прижимая к уху сотовый телефон, и вид имел весьма недовольный – Цепляй ещё, надо к ужину закончить.

– Батя, я в город поеду – Антон подошёл к дубовому столу на лужайке у бани, за которым собралось всё семейство.

– Куда? Двенадцатый час и ты, того, выпил уже – ответил отец, разливая ещё по стакану пива. Дети уже спали, вдоволь накупавшись и наигравшись, взрослые после вводно-парных процедур умиротворённо сидели под разборным навесом и наблюдали закат. Солнце уже закатилось за горизонт, светилось небо на западе и редкие облака на востоке затеняли первые звёзды.

– Серёга с тридцать второго участка едет, я с ним – ответил Антон

– Да что тебе в городе надо, не надоело пыль глотать, только приехали и уже всё, обратно собрался – отец разлил по высоким стеклянным бокалам последнюю полторашку 'Оболони' – ну вот, опять мне в магазин идти.

– Куда? – мама погрозила отцу пальцем – спать тебе пора, старый. Что к ребёнку пристал? Надо ехать – пускай едет. Вы ведь всё сделали?

– Ну – Виктор Андреевич задумчиво осмотрел новую крышу – вроде всё. Конёк осталось прибить.

– Завтра с Петей поставите – ответила мама, повернувшись к старшему сыну. Он кивнул, пряча улыбку в пивной пене. О причине столь позднего отъезда он догадывался.

Ночью резкие порывы ветра и завывшие собаки не смогли вытащить из дачного домика семейство Аркадьевых. Погода поменялась? Это не повод для беспокойства, особенно после хорошего проведённого вечера. Полярное сияние они просто проспали. Как очень многие жители Харьковской области они не заметили, как закончилась прежняя жизнь и началась для них новая, а для доживших до 21 века ветеранов войны – до физической боли знакомая.

*
*

Не спали в ночь на 22 июня 2008 года те, кому это надо было по любви, работе и другим уважительным причинам. Олегу Реутову не спалось по работе. Он выехал встречать на Российской территории фуру, гружённую титановыми трубками. По документам это был брак и металлолом, справки и формы из Уральской таможни были в порядке, но мало ли что взбредёт в голову местным таможенникам? Начальство с проверкой нагрянет, что конечно, маловероятно, но возможно. В эту ночь на пограничном посту дежурила знакомая смена, мужики уже свои в доску, сколько коньяку с ним выпито, сколько, ммм, проведено культурных мероприятий в банях и саунах с участием прекрасных девушек с обеих сторон границы! Всё на мази, но пару раз грузовик загоняли на приграничный СВХ, и Олегу с компаньоном приходилось 'решать вопрос', нещадно тратя честно заработанные деньги. Самое 'смешное' было в том, что деньги шли не на взятки служивым, сколько на штрафы и прочие платежи в бюджет. За два с половиной года по фирме было возбуждено два административных дела, и Олег подозревал, что пришло время третьего. Поэтому приходилось осторожничать, пока внешнеторговый контракт не закончится. Эта фура была последней, что проходила по ООО 'Гермес', контракт закрывался, фирма тихо перерегистрировалась на какого-нибудь днепропетровского бомжа. Одно ООО умерло, появится другое. Документы уже на руках, счёт открыт. Закроем сделку и на море! Подальше отсюда. Например, в Таиланд или Австралию. В Австралию дороже и вроде там зима, но с другой стороны в Таиланде от наших уже не протолкнутся. Нет, всё-таки Таиланд – девушки там!

От таких предвкушений его отвлёк багряный всполох по ходу движения. 'Дачия' уже пролетела первый поворот на Октябрьский и не снижая скорости углублялась в Российские просторы. Дорога была пуста, пятый час утра, всё-таки. Олег притормозил, сбросил скорость почти в два раза, до 60 километров в час. Впереди полыхнуло ещё и ещё раз. Словно огромная багряная лента вырастала из линии горизонта, поднимаясь до мерцающих звёзд. Олег остановил машину. Поднял ручник и вышел на дорогу, но двигатель не заглушил.

– Тишина стояла невероятная – процитировал Олег забытого автора, спускаясь с обочины немного отлить.

В машине заиграла мелодия новейшего хита "На крыльях нашей любви не осталось рабочих турбин". Олег, чертыхаясь, быстро застегнулся, открыл пассажирскую дверь. Пока он брал из держателя телефон, музыка оборвалась, на экране светилась надпись "Пропущен 1 вызов от МаксИгВодилаДБ" и сиротливо мигал значок антенны. Логотип оператора исчез вместе с GPRS-значком.

Олег попробовал перезвонить, но сеть отвергла все его попытки. Вернее сеть МТС так и не появилась, звонок не покинул внутренностей телефона. 'Ну, блин, неужто что-то случилось' – подумал Реутов, возвращаясь за руль.

Мигающие жёлтые огни он увидел где-то за километр. Вдавлив педаль газа в пол, Олег бросил машину навстречу аварии, согнав с левого ряда зазевавшийся 'Пассат' – такси с белгородскими номерами. В том, что аварийными огнями мерцала его фура, он почему-то не усомнился.

Подъехав почти вплотную к переднему бамперу 'Мана', Олег глубоко вздохнул, выключил двигатель и вышел из машины. Максима Игоревича за рулём не было, Олег пошёл вдоль раскрашенного бока фуры к заднему бамперу. На первый взгляд никаких повреждений не видно, тягач с прицепом стояли на дороге ровно, следов заноса – Олег присел на корточки, посветил телефоном – на сухом асфальте не было. Со стороны заднего бампера доносились какие-то бессвязные звуки и отеческий голос Максима Игоревича

– Ну, куда ты, дура, поехала на ночь глядя? Права неделю как получила и давай по шоссе рассекать!

– Я не дура! – донеслось сквозь всхлипывания – это Вы, вообще виноваты!

'Так, понятно' – подумал Олег, дойдя до места аварии. Почти посередине 'причала для чайников' стоял полностью красный 'Дэу-Матиз' с харьковскими номерами, аккуратно уткнувшись разбитой мордочкой в надпись 'SCHMITZ'.

Повреждения 'Матиза' на первый взгляд казались несущественными – лопнули рассеиватели обоих фар, немного покорёжен и вздыблен капот, треснул передний бампер. Но под битым бампером натекала приличных размеров лужа. 'Радиатору каюк' – подумал Олег – 'Без эвакуатора не уедет. Так, а что у нас?' У фуры, как в том анекдоте, немного осыпалась краска с заднего бампера и оказалось погнута фирменная табличка.

– Здравствуйте, Максим Игоревич – Олег поздоровался с седоусым водителем – как Вам такая птаха на хвост села?

'Птаха' рыдавшая в обнимку с баранкой, подняла голову, быстро поправила волосы и, помигивая сквозь растёкшуюся тушь, молча смотрела на Олега.

Водитель развёл руками.

– Сам не пойму. Ехала за мной от Белгорода, не отставая, как приклеенная. Я, грешным делом подумал, братки какие-то пасут. Притормозил, километров за пять отсюда, в зеркало смотрю – 'матизик'. Ну, думаю, слишком мелко для жуликов, поддал газу и спокойно поехал. Она – он кивнул на девушку, слушающую его речь с плотно сжатыми губами – не отстаёт. А как тормознул...

– Вот! – девушка выскочила из машины, лёгким движением руки откинула упавшую на лицо рыжую прядь. Она была на голову ниже Олега и дальнобойщика, но напора хватило бы ещё на двоих – тормознул он! Нехер было так тормозить!

– Нехер, было за мной в притык ехать! Да ты как, пигалица, разговариваешь! Да я тебе в отцы гожусь, а ты мне тыкаешь!

– Извините, дедушка – девушка ехидно поклонилась и шаркнула по асфальту правой кроссовкой – на Вашем песке заскользила!

– Каком таком песке?

– Который всю дорогу за Вами сыпался!

– Да ты... да я тебя – задохнулся в гневе водитель, подбирая слова, но не получилось малявке ответить. В перепалку вмешался Олег.

– Ладно, хватит! Хватит! – он повернулся к девушке – Вы нарушили дистанцию, ГАИ подтвердит. По всем правилам Вы виноваты!

Девушка в ответ только фыркнула.

– Не виноватая Я! Это ОН – она ткнула тонким указательным пальчиком в сторону кипевшего как чайник водителя – резко затормозил! На пустой трассе! Ночью! Специально бампер подставил! А может он – рыжая бестия картинно округлила глаза – маньяк! Ловит бедных девушек на трассе и потом над ними надругивается!

Дальнобойщик зло сплюнул.

– Выпороть тебя! Крапивой!

– Точно маньяк! Садист-извращенец! А Вы – она переместила обличительный пальчик на Олега и почти ткнула его длинным, ярко-красно накрашенным ногтём в солнечное сплетение – его поделщик и покровитель! Что тут смешного?!

Но Олег уже хохотал во всё горло.

– Я то думал – сообщил он недоумённым слушателям – что увижу разбитую тачку и море крови, а тут – он успокоился и заговорил, повышая голос – увидел сексуально неудовлетворённую девушку в слегка покоцанной 'мыльнице'. Без малейшей трещины и царапины! Даже на мозге!

Максим Игоревич отомщено заулыбался, свысока оглядывая ошестинившуюся девушку.

– Вы ... Вы ... – на глазах её навернулись слёзы – как можете так говорить?

Она отвернулась, всхлипнула пару раз и села обратно за руль. В 'матизе' зашуршало, щёлкнул выключатель плафона и девушка, достав из лежащей на пассажирском сиденье сумочки косметичку, стала приводить себя в порядок.

– Отойдём – Олег махнул рукой в сторону своей машины. Они обошли её и стали на обочине – что случилось?

– Понимаешь, Олег – по водителю было видно, что для объяснения ему не хватает слов.

– Еду я, значит, сотку, стерва эта, значит, за мной пилит, всё нормально...

Олег терпеливо ждал

– Вот там – дальнобойщик показал в сторону небольшого изгиба дороги – только проехал, увидел ... – он растерянно замолчал.

– Что увидел-то? – терпение Олега уже заканчивалось – Что?

Водитель сцепил пальцы и сильно сжал их.

– Пламя. Красное. Прямо из дороги бьёт. В небо. Вот на этом самом месте – он повёл рукой вокруг себя – а за ним... За ним, Олег, пустота.

– Что за бред?

– Да не бред, слушай – водитель торопился избавиться от переполнявших его впечатлений. Первоначальный шок прошёл, и ему нужно было выговориться – я давно езжу, 'волчара' тот ещё, но такого никогда, никогда не видел. Как будто стенка из пламени выросла, в дорогу шириной, пламя прозрачное, асфальт за ним просвечивает. Да, просвечивает – ответил он на скептический взгляд Олега – не знаю, как, но я видел. Потом, секунда, другая – пламя начинает прыгать вперёд-назад по дороге. На несколько метров – исчезнет и появится, снова исчезнет. А пока прыгает, от него волны расходятся в разные стороны, совсем-совсем прозрачные. Знаешь – он задумался – как будто впереди стенка какая-то, невидимая, поперёк всего – дороги, поля и на ней дорога более красным нарисована, только её и видно, а как она пропадает, по этой стенке волны бегут, как по воде. Вот, а потом всё за стенкой пропало...

– Как 'всё пропало'? Ты же говорил что за ней всё видно?

– Да, пока пламя прыгало, видно было, а потом, как оно на одном месте стало, за ней всё пропало – одна чернота, ни дороги, ни поля, ни деревьев. Ничего, Олег. Едешь, как в пропасть. Вот тут я по тормозам дал от души. Страшно стало – признался матёрый дальнобойщик.

– А девка эта в тебя въехала – сделал быстрый вывод Олег – она ничего не видела?

– Я её не спрашивал. Подбежал к ней, говорю, что ж ты наделала? Она сразу в слёзы. Ты с ней разговаривал, ничего не уловил?

– А что я должен был уловить?

– 'Антиполицая', значит, успела принять. Винный запашок от неё был. Чуть-чуть, но был. Что молчишь?

– Видел я пламя, Максим Игоревич. Сразу, перед тем как звонок твой сорвался.

– Странно.

– Что?

– Я тебе позвонил, когда с ней поговорить попытался. Минут через десять после аварии. Я ведь ещё тягач с прицепом осмотрел, мало ли что.

Олег покачал головой

– От того момента, как я вспышки увидел, до твоего звонка минуты две-три прошло, не больше.

– Вот я и говорю – странно. Смотри, смотри!

Разговаривали они у водительской двери 'Логана', Олег стоял спиной к фуре, дальний бойщик перед ним. Когда Олег обернулся, первое, что он увидел, была призрачная стена от горизонта до горизонта метрах в тридцати от него и такой же высоты. Сквозь кисейную белизну просвечивали яркие звёзды.

Олег достал из ременной сумочки сотовый, сделал несколько снимков. Пока он фотографировал, 'стена' начала расти вверх и загибаться в их сторону, гася звёзды. Олег включил видеорежим и повёл объектив за растущим краем. Зрелище было фантастическое – небо медленно сворачивалось, звёзды сияли практически у зенита, а там ...

Там навстречу двигалась такая же полупрозрачная стена, только бледно-багрового цвета, отсекая машины от остального мира метрах в двадцати по ходу движения 'Мана'. Задул рваными порывами ветер, принесся какой-то кислый запах. 'Бум-бум' низко забил невидимый барабан. Только сейчас Олег обратил внимание, что с момента последней остановки он не слышал ни голосов ночных птиц, ни цикадного стрекотания, ничего. Даже ветра до последнего момента не было.

–А... – внезапно пересохло в горле, Олег не успел ничего сказать, как ощутил себя висющим над бездонной пропастью. Он стоял на ногах, но чувствовал, что сила тяжести одновременно направлена не только к земле, но и параллельно к ней. 'Вниз', к белой стене. Ощущение длилось мгновение и исчезло, ветер резко усилился, пытаясь сдвинуть машины к густеющей белизне.

– Едем отсюда, быстро! – Олег распахнул дверцу 'Логана', сел за руль. Заведя двигатель, рывком сдал назад. 'Ман' взревел, водитель выглянул из кабины на подъехавшего слева Олега.

– Рви вперёд, через стенку, я девку заберу!

Максим Игоревич кивнул и 'Ман' рванул, нещадно буксуя ведущими колёсами. Олег в два поворота развернулся и по встречной полосе задним ходом подъехал к 'Матизу'.

– Садись быстрее, поехали! – Опустив стекло двери, прокричал Олег сквозь ветер опешившей от вселенского кавардака девушке. Та отчаянно замотала головой, только рыжие пряди мелькали.

– У-у, дура! – рванув ручник и разблокировав двери, Олег выскочил из машины и буквально в два прыжка подлетел к ней. Рывком открыв дверцу, он под локоть вытащил завизжавшую девицу из машины.

– Отпустите! Куда вы меня тащите! А-а-а, моя сумка! – Она вывернулась, рванулась к 'матизу' и, нагнувшись в салон, одной рукой схватила сумку с пассажирского сиденья, а другой вцепилась в лежащую рядом ветровку. Олег, не став мудрить, правой рукой схватил её поперёк живота, по упругому голому телу между топилом и джинсам, потащил назад.

– Опустити-и-и! – девушка изо всех сил визжала и брыкалась, но он уже заталкивал её на заднее сиденье. Пока она пыталась открыть левую заднюю дверь, он обежал машину и прыгнул за руль.

– Сиди смирно! Сдохнем здесь! – заорал он, втыкая первую. Газ в пол, визжа покрышками, 'Логан' помчался к прозрачной красной стене. Мельком глянув в салонное зеркало, Олег увидел, как по уже матово-белой стене бегут косые чёрные волны, всё быстрее и быстрее. 'Бум-бум' – низкий звук пробивал тело. Беспорядочный ветер усилился до почти урагана, тормозя и сдвигая машину по дороге. Невыносимо воняло кислятиной, по полю от дорожной насыпи, скача, разбегались красные огни, сливаясь в искрящую до боли в глазах сеть. Ещё, ну ещё немного – двигатель истошно выл, стрелка тахометра ушла за шесть тысяч, переключать передачи было уже слишком поздно. 'Давай, давай!' Олег с трудом удерживал машину на осевой полосе, стараясь успеть – до прохода 'Мана' осталось всего пара метров. От него по призрачно-красной поверхности разбегались волны, как от места падения камня в воду, но ни дороги, ни огней фуры за ней не было! 'А-а, бл ...!!' – закричал он, почувствовав, как летит вверх, по вертикальной стене, только что бывшей дорогой. Ничего не успевал он сейчас сделать, но набранная машиной инерция вышвырнула их за мерцающий багровым полог.

Больше он ничего не запомнил, провалившись в липкую темноту.

Тишина. Тишина и белизна кругом. Белый пол, белый потолок. Белые двери на белых стенах. Справа и слева. Олег шёл по всё время поворачивающемуся направо коридору, ни о чём не думая. Механически переставляя ноги и изредка касаясь рукой правой стены, шершавой и холодной. 'Это круг' – мысли медленно ворочались в пустой голове. 'Колесо, я в нём белка. Ха-ха'. Быть белкой ему надоело, и он уселся прямо на полированный пол, поперёк коридора. Опёрся спиной на стену между безликими дверьми, закрыл глаза. Тишина. Он попытался сосредоточиться, прислушаться. Где-то, далеко-далеко справа разговаривали двое.

– Рассыпался, мне отец про такое рассказывал ...

– Кофе попить бы ...

– Есть, сейчас принесу. Думаешь, поможет?

– Бабушка говорила – я смогу ...

– Хорошо бы ...

Олег встал, пошёл в сторону голосов

– Вот. С сахаром или с молоком?

Олег почти бежал, отчаянно прислушиваясь.

– Поставьте, я сейчас...

Олег остановился перед белой дверью внешнего ряда. Из-за неё, а может быть рядом, доносились голоса. Олег не мог понять, откуда, рванул вниз ручку ближайшей двери, она не открылась. Справа и слева так же не получилось открыть. Голоса пропали. Олег почти взвыл от отчаяния, колотя по двери. Вдруг что-то в окружающем изменилось. Что? Звуки пропали, но рядом, над дверью слева, начали проступать еле заметные очертания чего-то знакомого. Ладонь! Человеческая ладонь!

Олег рванул ручку этой двери – ничего, тогда он стал выбивать её, нанося удары сначала ногой, потом отошёл к стене напротив. Оттолкнувшись, он ударил дверь плечом. Уже вылетев вместе с ней в бездонный космос, он услышал:

– Если сам сможет... – сказал кто-то тихим шёпотом.

Глаза открывать не хотелось. Олег почувствовал себя лежащим на чём-то изогнутом и узком. Слегка пошевелился – да это водительское сиденье! Живём, значит. Так, а кто голову ладонями держит? Надо открыть глаза.

– Как тебя зовут, птаха?

– Вероника. – Девушка улыбнулась, убрала правую ладонь со лба Олега. Левая ладошка поддерживала затылок. Она попыталась аккуратно вытащить её, но Олег попросил:

– А меня Олег. Не убирай руку пока, пожалуйста.

– Ну, ты молодец! – Максим Игоревич стоял у распахнутой левой пассажирской двери, держа в руках большой термос – Выскочил таки. Успел.

– А если бы не успел? – Олег, поморщившись, повернул к нему голову. Вероника обеспокоено положила правую ладонь на височную часть.

– Если бы не успел, мы бы сейчас не разговаривали. Нет там дороги, как ножом отрезало.

– Как?

– Вот так. Асфальт заканчивается, дальше просёлок какой-то. Я фонарём посветил, насколько можно было, нормальной дороги не увидел. Да ты лежи, лежи пока – сказал Максим Игоревич, пресекая попытку Олега подняться. – Ты же почти не дышал, когда вы сюда приземлились.

– Приземлились?

– Да. Я проехал нормально, двигатель даже не заглох. Отъехал метров тридцать, остановился. Только из машины вышел, как вы вылетаете. Прямо из воздуха, в метре от асфальта. Плюх на дорогу и вперёд. Если бы не она, в кювете остановились.

Олег развернулся к девушке. Та смущённо улыбалась

– Ты на руль упал, двигатель не работает, а машина несётся. Я за ручник дёрнула, машину крутануло, но мы остановились. Максим Игоревич к нам бежит, я трясую тебя за плечо, а ты... – она шумно вздохнула – как мёртвый.

– Я подбежал – дальнобойщик продолжил рассказ – спинку сиденья вместе с тобой опустили, начали трясти, нашатырку давать нюхать. Бесполезно, ты почти не дышишь, пульс еле слышали.

Олег только сейчас обратил внимание на расстёгнутую до пояса рубашку.

– Сердце едва билось, на руке и шее пульс не прощупывался – сказала Вероника – решили массаж сердца делать, рубашку расстегнули, я думаю так послушать надо. Ухом к груди прижалась, слышу 'тук' потом долгая пауза, снова 'тук'.

– Я вспомнил, как мне отец о чём-то подобном рассказывал, – дальнобойщик так и не выпустил из рук термос – Он в Семипалатинске, на полигоне в 1950-х служил. Там люди, кто к эпицентру ходил, после взрывов так же на землю падали. Это у них 'рассыпаться' называлось. Лежат как ты, почти не дышат и сердце не работает. Потом очухивались и вставали.

– Большинство – добавил он после короткой заминки.

Олег опять повернул голову к Веронике.

– Бабушка мне говорила, что я могу боль руками снимать. Я ей не верила, а теперь решила попробовать. Если уже ничего не помогает, – она вздохнула.

– У тебя получилось. Спасибо. Ты мне знак дала, там.

– Где? – удивилась она, подняв тонкие брови

Олег, медленно подбирая слова, рассказал о своём хождении по белому коридору и о том, как оттуда вырвался.

– Да-а-а, бывает – Максим Игоревич наконец-то поставил термос на асфальт, сел на корточки и стал накачивать кипяток в пластиковую кружку, которую он всё время разговора держал в руках. По выражению лица было видно, что свой лимит на удивление он уже исчерпал.

– Олег – сказала Вероника – тебе надо выпить кофе.

Она немного помолчала.

– Спасибо тебе, что вытащил.

Олег слабо кивнул, пытаясь сесть. Это оказалось не так просто, тело ещё слабо слушалось. 'Точно, рассыпался' – подумал Олег, обеими руками беря кружку с кипятком. Пересевшая вперёд Вероника быстро засыпала пакетик 'Нескафе'. Размешивая полупрозрачной пластиковой ложкой, добавила три куса рафинада.

– Зачем так много? – удивился Олег.

– Для нервных клеток – ответила Вероника – я как будущий врач тебе рекомендую.

– Так ты не только знахарка, а ещё врачом будешь? Вот повезёт твоим пациентам – он увидел, как сдвинулись брови Вероники, и поспешно добавил – в хорошем смысле повезёт.

– Да – набежавшие морщинки разгладились, и лицо Вероники окрасила мечтательная улыбка – я ведь на третьем факультете медуниверситета учусь. – Будущий педиатр – с гордостью сказала она.

– Вот именно – с энтузиазмом подхватил Олег – дети, они часто сказать не могут, что болит, а ты раз – и так узнать сможешь!

Вероника взглядом указала на кружку с кофе. Олег пробормотав 'поговорить нельзя, сразу лечиться надо', стал отхлёбывать горячий напиток маленькими глотками.

Кружка опустела, Олег поставил её в нишу над бардачком. Потянулся, попробовал встать и выбраться из машины. Получилось плохо – ноги на дорогу вышли, а тело подняться отказывалось.

– Я помогу – торопливо сказала Вероника и вышла из машины.

'Вот позор-то, девчонка тридцатилетнего бугая поддерживать будет' – зло подумал Олег и резко встал на ноги.

Но за дверцу ему ещё пришлось подержаться. Минуту, постояв и отклонив помощь Вероники, он сделал шаг, другой и неловко ставя ступни, обошёл вокруг 'Логана', на ходу застёгивая рубашку. Машина стояла развёрнутая поперёк встречной полосы, метров в десяти от съехавшего на правую обочину 'Мана', всё так же мигающего аварийными огнями. 'Действительно, ещё пару метров и привет, канава' – подумал Олег, дойдя до гравийной отсыпки. Высота была небольшая – метра два, но если закрутившуюся машину снесло туда боком, то перевернулись бы они раза три, не меньше. Непристёгнутые, они бы так легко не отделались. 'Молодец Ника, быстро сообразила, что делать' – от этой мысли ему стало почему-то тепло, как будто не с ней он до крика ругался ещё полчаса назад.

Впереди замигали дальним светом фары, скрипнули тормоза. Олег выбрался на асфальт и, прихватив термос, пошёл к грузовику, где покинувший их Максим Игоревич, бурно жестикулируя, что-то сквозь опущенное боковое стекло объяснял водителю белого 'Пассата'. 'Так ведь это то самое такси, что я обогнал!' – подумал Олег, подходя к остановившейся машине.

– Авария? – спросил Олега молодой таксист, проигнорировав невозможные в реальном мире дальнбойские байки.

– Почти – сказал Олег, протягивая термос Максиму Игоревичу.

– Я ведь говорю – нет дальше дороги! – говоря это, дальнбойщик поднялся в кабину 'Мана', положил термос и взял там фонарь с приличного размера рефлектором, – сам посмотри! – обратился он к таксисту.

– Что-то вы гоните – скептически сказал коротко стриженный парень, переводя взгляд с Олега на дальнбойщика и обратно – куда дорога могла подеваться? Третий год здесь езжу, кроме асфальта весной ничего с трассы не пропадает.

– Пойдём, сам увидишь – включив фонарь, дальнбойщик размашисто пошёл в сторону машины Олега. Таксист, подумав и поправив что-то под короткой кожаной курткой, вышел из машины и направился следом. Олег замкнул процессию. Сзади чирикнула сигнализация 'Пассата'.

Дойдя до 'Логана', Олег включил аварийную сигнализацию и вытащил из ниши подстаканника телефон. К удивлению Олега, он оказался выключен.

– Пойдёшь? – спросил он Веронику, вернувшуюся на переднее пассажирское сиденье.

– Нет, я лучше здесь посижу – она обхватила себя руками, как будто озябнув. Но её короткая ветровка так и осталась лежать на полке у заднего стекла.

– Тогда двери заблокируй – Олег показал на кнопку центрального замка – мало ли что.

Она кивнула, погрузившись в какие-то неприятные, как было видно по красиво очерченному лицу, размышления. Олег включил телефон и быстро пошёл за ушедшими далеко вперёд водителями.

В предраассветной серости свет китайского светодиодного фонаря бил не столько далеко, сколько освещал приличного размера близлежащую поверхность. Олег подошёл к молчаливо стоящим водителям и в полном ошеломлении увидел, что дорога действительно пропала. Они втроём стояли на краю двухметрового обрыва. Максим Игоревич медленно вёл фонарём слева направо, но насколько хватало света ничего кроме укатанного просёлка, начинавшегося сразу под обрезом дороги, видно не было.

– – сказал таксист

– Вот именно – мрачно подтвердил дальнобойщик.

– Надо аварийные знаки выставить и предупредить ГАИ – сказал Олег, снимая панораму дорожного разреза.

– Какое ГАИ, здесь МЧС надо привлекать – сказал таксист, присев на корточки над обрывом и проведя ладонью по срезу асфальта – как лазером резали, гладкое, как стекло, – он встал и отряхнул руки – Может, военные наши опять что-то отчудили?

– Тогда уж наши – сказал Олег, намекая на постоянные инциденты в украинской армии.

– Опять кто-то где-то не на то нажал. С вашей стороны приличных частей здесь нет, одни пограничники. Пойдём вниз, посмотрим.

Они спустились с дорожной насыпи и прошли на просёлок. Максим Игоревич осветил срез дороги. Он выглядел идеально ровно, и по нему можно было учить студентов автодорожного института. Асфальт, бутовый камень и даже щебень – все, даже самые мелкие камешки были аккуратно распилены и сияли в свете фонаря полированной поверхностью. 'Вот нас бы так' – подумал Олег и содрогнулся. Свет фонаря дошёл до края отсыпки и потрясённые водители увидели, что на поверхности земли видна чёткая граница. Видная везде, где доставал свет фонаря, она делила поле на две разные части. Трава и даже земля – Олег ковырнул носком летней туфли поперёк черты – на обеих сторонах были похожие, но визуально отличались друг от друга. Хотя уровень земли при пересечении границы на глаз почти не менялся, но внешне всё выглядело так, будто за чертой, там, где они стояли, был совсем другой мир. Очень похожий на тот, откуда они пришли, но совсем-совсем другой.

–– снова сказал таксист. Остальные молчали, понимая, что произошло что-то совсем не укладывающиеся в рамки привычного мира. Одновременно, как будто одинаковая мысль пришла им в голову, они перешли просёлок. Но на другой стороне дороги было то же самое – уходящая вдаль, к реке и железной дороге, разделительная черта.

– Смотрите – развернувшись, Максим Игоревич осветил укатанную поверхность грунтовки.

– Чё смотреть-то? – таксист явно ничего не понял. Олег промолчал, так же ничего не понимая – дорога как дорога, как в деревне какой-то.

– Точно – дальнобойщик явно что-то высматривал – Ага! – он поднял и покрутил в руке что-то изогнутое – Подкова! Даже не ржавая, недавно отвалилась!

– Да, плохой кузнец был, – сказал он, закончив осмотр, протянул подкову к стоящему ближе таксисту.

– Да ты, батя, Шерлок Холмс в натуре – таксист взял подкову и внимательно её рассмотрел – ещё скажи, с какой лошади она упала, и кто на ней ездил.

– Не упала, а отвалилась – поправил Максим Игоревич – подкова самодельная, не заводская. Видите, следы ручнойковки – он ткнул пальцем в неровную боковую поверхность – заводская или хорошего мастера она гладкая, как зашлифованная, а здесь явно схалтурили.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросил Олег, не подозревавший о таких познаниях дальнобойщика.

– Я ведь в деревне вырос, наш дом рядом с кузницей стоял. Пацаном всё свободное время там крутился – ответил Максим Игоревич.

– Круто – сказал таксист – можно взять? Такой эксклюзив на дороге валяется.

– Забирай – Максим Игоревич махнул рукой.

– Над входной дверью повешу, – сообщил таксист, заворачивая подкову в носовой платок – говорят к деньгам, – он сунул свёрток в карман – мне ещё два года кредит за машину выплачивать.

– Меня Сергей зовут – представился он и протянул руку Олегу.

– Олег – он пожал его руку, затем представил дальнобойщика – Максим Игоревич, наш водитель.

– Ладно, пошли обратно – сказал Олег, когда они обменялись рукопожатиями. Вместе они поднялись на асфальт, и пошли к машинам.

Небо слева робко светлело, звёзды постепенно меркли, как всегда равнодушные к людским проблемам. Олег, наконец, задал таксисту мучавший его последние минуты вопрос

– Сергей, тебя я обогнал в километре отсюда?

– Да.

– Ты с такой же скоростью ехал?

– Да – снова подтвердил Сергей – я сотрку ровно держал, здесь – он повёл рукой – часто гайцы пасутся, пару раз на штраф налетал. А ты гнал точно на полгода лишения прав.

– Так – Олег не смог сформулировать вопрос на основе ответа. Спросил о другом – ты что-то необычное видел?

– Зарево багровое было. Но так быстро мелькнуло, что подумал – показалось, – он хмыкнул – Оказалось даже хуже.

Они прошли 'Логан', Вероника откинула спинку кресла и вроде заснула. Из-за тонировки задних стёкол её лица видно не было, а стучаться Олег не стал.

– Ну и что дальше делать будем? – Сергей снял 'Пассат' с охраны.

– Мы пока здесь побудем – Олег взглянул на дальнобойщика, тот согласно кивнул.

– Ладно, я домой поехал. – Сергей открыл водительскую дверь – Заеду в посёлке на пожарку. Возьми – он достал из кармашка на солнцезащитном козырьке визитку и протянул её Олегу.

– На пожарку-то зачем? – удивился Максим Игоревич

– МЧС у нас там сидит. Мой дядя сегодня дежурит, – он взял визитку Олега, сел в машину – иначе мне не поверят. Бывайте, мужики.

– Бывай – сказал Олег. 'Пассат' сдал назад, развернулся и через минуту стал уже практически неразличим.

– Зачем ты его про обгон спрашивал? – Максим Игоревич смотрел вслед удалившейся машине.

– Сколько, по твоему, времени прошло от момента аварии? – спросил его Олег, записав в память телефона номер Сергея.

– Ну, я не засекал – дальнобойщик с сомнением посмотрел на часы – но часа полтора точно. Пока после столкновения стояли, пока уезжали, пока с тобой возились, пока на просёлок ходили. Да, полтора часа.

– От того момента, когда я его обогнал, до нас он ехал меньше минуты, – сделав в уме несложные вычисления, сказал Олег, – секунд тридцать-сорок. У нас за это время прошло около часа.

– Ё-моё – данный факт окончательно выбил Максима Игоревича из реальности. Через минуту молчания он растерянно спросил – а где мы этот час были?

– В гостях у Ктулху – Олег сам не знал, как это объяснить – на Бермудский треугольник 'белгородчина' не тянет, аномалий здесь отродясь не было. Ладно, давай о деле. Надо срочно границу пройти. Пока здесь всяких тревожных служб не понаехало. Езжай, успеешь к пере-
сменке на посту. Там наши кадры сейчас дежурят, проведут по 'зелёной'. Если что, звони.

– А ты?

– Я девушку домой отвезу. Своей машины у неё уже нет.

Максим Игоревич кивнул и вернулся к 'Ману'. Через минуту, утробно урча, фура ушла в сторону границы. Олег минуту смотрел ей вслед, затем глубоко вздохнул и пошёл к своей машине.

– Тук-тук – Наклонившись, Олег постучал в лобовое стекло. Вероника потянулась – топик обтянул аккуратные полушария, бюстгальтера на ней не было – села и разблокировала двери.

– Куда тебя в Харькове отвести? – Олег сел за руль, завёл двигатель.

Вероника молча вернула спинку кресла в первоначальное положение. Олег ждал, пытаясь тем временем дозвонится хоть куда-нибудь. Сеть так и не появилась, значок антенны мигал не переставая.

– Олег – она говорила не совсем уверенно, перебирая тонкими пальчиками ремень сумки – у меня в машине кое-какие вещи остались. Мне их надо обязательно забрать.

Они посмотрели друг на друга. Олег не смог отказать мольбе серо-голубых глаз. Не смог сказать ей, что 'Матиза' он там не увидел. Возражения застряли где-то внутри.

– Хорошо, съездим назад и заберём, – он развернул машину и поехал в сторону границы, высматривая пологий съезд с дороги – проедем по полю, там дорога разрушена – пояснил он свой манёвр Веронике. Она устало кивнула. Олег мельком взглянул на неё, заметил запудренные тёмные пятна под глазами. Пологие лучи рассветного солнца безжалостно подчеркнули следы ночных переживаний. 'Нелегко ей пришлось' сочувственно подумал Олег, и снова что-то тёплое шевельнулось в груди.

Пологий спуск нашёлся по левой стороне метров через сто пятьдесят. 'Логан' съехал на поле и, переваливаясь на кочках, не быстрее 10 километров час, двинулся в сторону недавнего катаклизма.

– Смотри, что случилось – Олег показал рукой на разрезанную дорогу. Они уже заехали на грунтовку, Олег притормозил, вывернув руль направо.

– Хочешь посмотреть? – предложил он.

Вероника отрицательно покачала головой, пристально осматривая окрестности. Олег плавно отпустил сцепление, и они медленно двинулись по тому, что ещё два часа назад было федеральной автодорогой.

Они проехали уже километр, но 'Матиза' так и не встретили. Вероника всё это время не проронила ни слова, выглядывая пропавшую машину. Кроме них, ранним утром на укатанной грунтовке не было ни души.

– Может, вернёмся? – нарушил молчание Олег.

– Нет, – ответила Вероника. Спросила после короткой паузы – Олег, мы можем заехать в Долбино? Сейчас будет поворот налево. Это недалеко от дороги, километра два.

– В Долбино, так в Долбино – Олегу почему-то захотелось помочь этой девушке, хотя здравый смысл прямо таки завопил о возврате.

Своротка обнаружилась метров через пятьсот – такая же грунтовка, только поуже. Повернув, 'Логан' бодро запыхал по укатанному грунту – Олег добавил газу, высматривать было уже нечего.

Проехав полтора километра и спустившись в низину, Олег ощутил какой-то дискомфорт. Впереди клубился туман. Что-то в окружающем их мире было не так. Ощущение нарастало и когда до первых домов Долбино оставалось несколько десятков метров, Олег резко затормозил и остановил машину.

– Что-то случилось? – забеспокоилась Вероника.

– Мы куда в Долбино должны заехать? – вопросом на вопрос ответил Олег.

– К моей бабушке, её дом вот, с краю – она показала в сторону почти неразличимых в тумане первых изб, теснившихся слева от дороги.

– Что-то не так – Олег вышел из машины и стал всматриваться в закутанный утренним туманом посёлок. В нём не проступало ни одного светящегося окна, ни одного включённого уличного фонаря, на станции слева так же не было ни огонька.

– У-у-у-у-у – впереди что-то взревело, над затянутой туманом железной дорогой взметнулся белый фонтан.

– У-у-у-у-у – вторило ему слева, у станции.

– Паровозы? – ошеломлённо подумал Олег – откуда они здесь?

Прямо напротив них, в тумане на железной дороге вспыхнул вправо размытый луч прожектора, и раздалось знакомое по фильмам 'пшшш' сбрасываемого пара. Пыхтя, свет прожектора начал медленно смещаться в сторону Белгорода. Самого паровоза и поезда в тумане видно не было.

– Что это?! – спросила сзади Вероника.

Олег обернулся, она неслышно подошла, кутаясь в короткую ветровку. Здесь, в низине, почему-то было гораздо холодней, чем на дороге.

– Паровозы. Наверное, перегоняют куда-то. А может. ... Смотри, какая крупная авария, всё электричество отрублено, нигде ни огонька. Вместо электровозов – поезда тянут, что ли? Странно. Для этого тепловозы должны использоваться. Ладно, поехали.

Они вернулись в машину, Олег дополнительно включил противотуманные фары и медленно заехал в лежащее на земле белое облако.

– Какой дом?

– Самый крайний. Вот – Вероника указала на ближайшую к ним избу в три окошка на белёном высоком фундаменте, с коньковой крышей, покрытой деревянными плашками. Олег подрулил к закрытым воротам, выключил свет и заглушил двигатель. Они вышли из машины. Вероника накинула ремень сумки на плечо, подошла к двери слева от ворот, постучала. Никто не отозвался.

– Спят ещё, – Олег достал телефон, посмотрел время.

– Сейчас шесть, нет, – он учёл 'растянутый' час – пять утра.

– В деревне рано встают, – Вероника открыла калитку в палисадник перед окнами – видишь, свежие следы перед воротами. Скотину уже выгнали.

– Бабушка у тебя скотину держит? – удивился Олег

– С ней моя двоюродная сестра живёт, – ответила Вероника, согнутым указательным пальцем правой руки постучав в стекло среднего окна.

В избе глухо брякнулось на пол что-то деревянное, женский голос из-за занавесок испуганно спросил:

– Кто там? – судя по молодости голоса, это была кузина Вероники.

– Антонина открывай, это я, – тоном, не терпящим возражения, ответила Вероника. В избе раздалась звуки шагов, приглушённо хлопнула дверь, Вероника вернулась к воротам, прикрыв вход в палисадник.

Скрипнул засов, дверь распахнулась. К ним вышла молодая женщина, в чём-то вроде сарафана, все волосы прикрыты белым платком в крапинку. 'Лет тридцать, очень похожа на Нику', – подумал Олег – 'только волосы более светлые и выглядит постарше. Что она устави-

лась? Одетая, конечно, по-деревенски, но вполне ...' Мысль он продолжить не успел, стоявшая перед ним Вероника начала падать назад.

Олег еле успел её подхватить. Антонина оторвала взгляд от наряда Вероники и, отступив, быстро проговорила:

– Ой, что с ней? Заносите её в избу, на лавку положите, я сейчас воды принесу – и метнулась обратно во двор.

Олег, удерживая левой рукой Веронику, шагнул вправо, подхватил правой рукой её под колени, поднял. Боком протиснулся в дверь, прошёл несколько метров по двору. Из дальнего угла забрежал кабыздох неопределённой породы. Вход в избу был слева. Олег с Вероникой на руках поднялся на крыльцо, пригибаясь, зашёл в сени. Там было темно, болтающаяся сумка девушки зацепила какие-то предмет, судя по жестяному звуку – ведро.

– Тут порожек – предупредила Антонина, отворив внутреннюю дверь. Олег, пригнувшись, вошёл в длинную комнату. Справа светилось мутноватое окошко, дававшее мало света, едва хватавшего, что бы рассмотреть скудную и весьма странную обстановку. Некрашенный дощатый пол и белёный потолок, высота помещения не больше двух метров. Слева стена из некрашенных обтёсанных брёвен с полупустой вешалкой, дальше занавешенный проём, заканчивающийся белой печью. Топка печи выходила в это помещение, перед ней горкой лежали наколотые поленья. Перед окном непокрытый скатертью большой деревянный стол, к нему приставлены пять изогнутых стульев, за столом в правом углу смутно виднелся высокий резной шкаф со стеклянными дверцами. 'Буфет' – слово откуда-то из детства всплыло в памяти Олега. Пахло засушенной травой, ещё чем-то кисловатым и одновременно смутно знакомым.

– Сюда – Антонина выскользнула из-за спины Олега, шмыгнула в занавешенный проём. Олег по скрипучим половицам прошёл за ней в светлую, насколько это возможно ранним туманным утром, почти квадратную комнату. Остановился, оглядываясь, куда положить Веронику. Такой же пол, только убранный половицами, такой же побеленный потолок из широких досок с вбитым посередине крюком непонятного назначения, необшитые голые стены, здесь окрашенные в светло-зелёный цвет. Справа в комнату, вперёд метра на два и до правой стены, выступала печь с приступком по периметру и чем-то вроде лежанки сверху с горой тряпья на краю. За ней, в правой стене, куда уходила печь, был такой же занавешенный проход, напротив Олега – два окна с фотографиями между ними. Под фотографиями пирамидой Джосера стояли три разнокалиберных, окованных металлическими полосами сундука. На самом верхнем сундуке клубочком свернулась серая кошка. В левом дальнем углу под пустой угловой полкой, был ещё один, самый большой, сундук, откуда Антонина достала большую цветастую подушку. Лампы, как успел заметить Олег, и проводов на потолке и вообще в доме не было.

– Ложите – она положила подушку на длинную и широкую лавку слева от Олега. Он аккуратно пристроил Веронику вплотную к стене на ... полати, так, кажется, они называются? Полати были закрыты покрывалом, на ощупь, когда Олег вынимал руки из-под Вероники, весьма грубым, как будто домотканым. Красную сумочку девушки он пристроил на половицах около изголовья.

– Вот вода – пока Олег укладывал Веронику, Алевтина сбегала в сени и принесла воды в деревянном ковшике. Олег, сидя с краю лавки, взял Веронику за левую руку, искал пульс. 'Вроде есть. Уф' – подумал Олег, уложив руку Вероники на полати. Взял из рук Антонины черпак, достал из кармана ветровки носовой платок. Смочив в холодной воде, он вернул ковшик Антонине, аккуратно обтёр лоб и виски Вероники, стараясь не задеть макияж. Она шевельнулась и невнятно пробормотала одними губами

– Что? – Олег наклонился к лицу Вероники.

Она, проморгавшись, открыла глаза, узнала Олега и улыбнулась ему какой-то светлой обречённой улыбкой.

– Ты мне сразу понравился, Олежек – тонкие руки девушки обвили его шею, – я могу это сказать, сейчас мы навсегда вместе.

Вероника подтянулась и попыталась поцеловать Олега. 'Нифига себе!!' – подумал он, уклонившись от губ девушки.

– Что с тобой? – Олег привстал с лавки, попытался снять с себя руки Вероники, но держалась она за него весьма крепко – что твои родственники подумают?

Олег спиной чувствовал, что Антонина практически впала в ступор, наблюдая эту картину. Вверху на печке кто-то зашуршал и тонкий детский голосок спросил:

– Мама, кто этот дядя? – говорила девочка явно дошкольного возраста, – не толкайся, мне не видно.

'А это ещё кто?' Олег, наконец, смог развести руки Вероники. Она перестала пытаться его поцеловать и, подтянувшись – Олег всё держал её за запястья – села. Олег осторожно освободил её правую руку, поднялся. Левую руку он решил не выпускать, мало ли что. Обернувшись, он увидел изумление на лице Антонины и над ней, на печке, две детские мордашки, выглядывающие поверх длинной подушки из-под лоскутного одеяла. Одна слева, принадлежала говорившей девочке лет шести, справа к ней прижимался мальчик года на два помладше.

– Мы в Раю, Олежек – увидев детей, лицо Вероники озарилось ангельским светом.

– С чего ты взяла? – Олег шагнул назад, сел рядом с ней, ноги не держали после такого уверенного заявления. Неужели??

– Вот они – она плавно повела рукой в сторону женщины и детей – давно в Раю. Антонина, Максимка и Леночка. Теперь пришел наш черёд, Олежек.

Антонина вздрогнула, услышав имена. Отступила вплотную к печке, как будто стараясь защитить ребятшек. Ковшик она держала перед грудью, прикрываясь им, как щитом.

– Они давно в Раю – повторила Вероника – их немцы в войну сожгли.

Лицо Антонины исказила страшная гримаса.

– Бреешь, ведьма!! Мы живы, живы!! Слышишь, ты!! Живы!!!

Она почти кричала, вода из ковшика выплёскивалась на пол в такт словам. Выкрикнув, она обессилено села на приступок печи. Дети испуганно молчали. Вероника продолжала ангельски улыбаться.

– Вы давно в Раю, – упрямо сказала она в третий раз, Антонина замычала – Баба Поля ещё жива, поэтому её здесь нет. Фёдор Кузьмич пропал без вести, может, не заслужил.

– Кто такие Фёдор Кузьмич и баба Поля? – ощущая себя в невесомости, глухо спросил Олег.

– Фёдор Кузьмич её – она указала на Антонину – муж. Мой прадед. Пропал без вести в сорок втором. Баба Поля – её дочь Полина. Моя бабушка, жива до сих пор, ей восемьдесят лет 10 мая исполнилось. Из всей семьи Лапиных она одна осталась в живых.

Ковшик выпал из рук Антонины, она выпрямилась. Глаза гневно сверкали.

– А ты врешь, ведьма! – она стала медленно подходить к лавке, прижав к груди сжатые кулаки. – Фёдор Кузьмич, муж мой, сейчас на работе, Полинка корову в стадо отводит. Врешь ты всё!

'Сейчас она Веронике врежет' подумал Олег, вставая и закрыв собой Веронику. Антонина остановилась в полушаге от него. 'Сейчас она мне врежет. Прямо как в кино'. Но до драки дело не дошло – хлопнула входная дверь, в горницу вбежала девочка-подросток лет двенадцати – тринадцати в таком же покроя сарафане, как у Антонины. Волосы у неё были полностью убраны под синий платок.

– Мама, какая-то машина иностранная перед воротами стоит, а двери не заперты. Ой – она увидела гостей – кто к нам из города приехал? Мама, что с тобой?

– Полина?! – изумлённо воскликнула Вероника – но как ... я.....

Олег обернулся. Вероника уронила голову в ладони и беззвучно рыдала. Кулаки Антонины разжались, она подняла ковшик и со словами

– Воды принеси – отправила старшую дочь в сени. Олег растерянно сел обратно на лавку, Вероника ткнулась ему в плечо.

– Не плачь – он немного развернулся, обнял правой рукой девушку, рыдавшую теперь у него на груди. 'Точно, мелодрама'. Он гладил девушку по спине, приговаривая – видишь, никто не умер. Всё хорошо, не плачь.

Надо было срочно разряжать обстановку, но Олег не придумал ничего лучшего как спросить;

– А кто тогда твоя двоюродная сестра? Она тоже Антонина?

– Да – шмыгая носом, ответила Вероника – в честь прабабушки назвали.

Она отстранилась от Олега, взяла ковшик у вернувшейся Полины, сделала несколько глотков. – Спасибо – вернула ковшик девочке, не сводившей с неё глаз.

– Мама, эта тётя очень на тебя похожа – сообщила Полина результат осмотра – только одета не по-нашему.

– Конечно – Вероника нагнулась, достала из сумочки носовой платок, промокнула слёзы – она ведь моя прабабушка. А ты, Полина, моя бабушка.

– Честное пионерское? – удивлению Полины не было предела.

– Честное пионерское, – улыбнулась ей Вероника.

На поясе завибрировал телефон. Олег привычно достал мобильник. На экране под логотипом МТС светилось 'Входящий вызов от СергОктябрТакси'. Четыре полосы около антенны гарантировали уверенную связь

– Видишь, связь появилась. В Раю МТС-а нет, – он нажал кнопку приёма вызова.

– Олег, привет, ты где? – голос Сергея был очень чётко.

– В Долбино. В гости – он покосился на Веронику – заехали.

– Слушай, раз ты там, можешь на станцию проехать?

– Что случилось?

– Железную дорогу с контактной сетью порезало, как трассу. Путьцы только что с разрыва вернулись. Тяговую подстанцию у нас выбило, дистанцию то же, восстановить ничего пока не можем. Электроэнергия и вся внешняя связь отключилась. Только что от дизелей запитали 'бээски' нашего ретранслятора. Пытались дозвониться в Долбино, на мобильники – никто не отвечает. Надо сходить на станцию, сказать, чтобы выслали аварийный поезд из Белгорода. Ну и по твоему телефону пока связь держать будем. Не возражаешь?

– Для дела ведь. Только деньги положите на номер. В России у меня роуминг.

– Не беспокойся. Эмчезники переключили 'бээски' на вышке в 'спасательный' режим, сейчас все звонки бесплатные. Если на экране есть надпись 'Октябрьский', можешь говорить сколько хочешь. Но только внутри нашей соты и своей сети.

– Ясно. – Олег взглянул на экран. Под 'MTS RUS' мелким шрифтом значилось 'oktyabrskii' – Ты для таксиста слишком о железке заботишься.

– Я не только таксист. Это приработок, а так я на 'жэ-дэ' работаю – инженер сигнализации и связи.

– Ладно, приеду на станцию, перезвоню. – Олег разорвал связь. Посмотрел на оцепеневшую Антонину – что ни будь не так?

– Если я твоя прабабушка – она обратилась к Веронике – а Полина твоя бабушка, то ... – вопрос она сформулировать не успела, дочь её опередила.-

– Вы к нам на машине времени попали, как Уэллс написал? Она у нас перед воротами стоит?

– Кто?

– Машина времени!! – Полина прямо-таки светилась восторгом. – как там в будущем? Когда Мировая Революция победила? Вы, из какого года?

– Ночью 2008 был, двадцать второго июня – Олег почувствовал, как по спине побежал холодок. Страшное предчувствие льдом легло на сердце, – а у Вас?

– Двадцать второго июня тысяча девятьсот сорокового года! – отрапортовала Полина.

– Уф – Олег тыльной стороной ладони обтёр испарину со лба, лёд внутри почти растаял – легче конечно, но тоже не фонтан. До войны год остался.

– Какой войны? – изумилась Полина, её мать вцепилась зубами в кулак, что бы не закричать.

– С немцами – Олег стал лихорадочно думать, как бы не наболтать лишнего. Антонина уже смертельно побледнела. Но энтузиазм её старшей дочери было не остановить.

– Мы их быстро победили? Малой кровью на чужой территории! Мы всей школой ходили кино смотреть. Там товарищ Сталин так говорит, а маршал Будённый ...

– Марш на станцию за отцом!! Живо!! – Антонина выкрикнула это с таким напором, что Полину как ветром сдуло. Как только она выбежала из дома, Антонина обернулась к младшим детям, обхватила их и запричитала

– Деточки мои, родненькие, кровинушка моя, не смогла я вас уберечь от смерти лютой... – она зарыдала, дети захныкали. Олег пребывал в абсолютном смятении, женских слёз он переносить не мог, особенно в такой концентрации. Он повернулся к Веронике и не узнал её – прежняя почти гламурная девушка исчезла, рядом с ним сидела высеченная из кремня амазонка. Так по крайней мере, ему показалось.

– Нет, не бывать этому! – Вероника поднялась с лавки, подошла к Антонине. Двумя руками, взяв за пояс, легко оттащила её от печки, развернула лицом к себе. Схватив за плечи, тряхнула несколько раз. Антонина замолчала, приподняла голову.

Они стояли лицом к лицу, смотря друг другу в глаза. Почти одинаковые в росте, похожие фигурой и чертами лица. Прабабушка и правнучка. Живая и давно мёртвая.

– Мы – здесь!! Мы – не допустим!! Ты слышишь, меня, Антонина!! Клянусь своими детьми нерождёнными, Я не дам ВАМ так рано и так страшно умереть!! Я Клянусь!!

Олег во все глаза смотрел, как кремневая твёрдость переливалась из рук Вероники в согбенную поначалу Антонину. Она подняла голову, расправила плечи и оказалась на полговы выше своей правнучки. Взмахом рук накрыла ладонями плечи Вероники.

– Клянусь детьми своими, рождёнными прежде и рождёнными после. Не допущу того, что случилось с ними в грядущем, не дам им умереть раньше времени!! Я Клянусь!!

– Наш Род продолжается ныне и присно и во веки веков!! – глядя друг другу в глаза, одновременно выкрикнули обе женщины.

'Вот это да!! Да это какой-то обряд, обеим хорошо знакомый! Ай, да семейка! Вот блин, 'повезло', с древним родом колдуний познакомился' Олег физически чувствовал давящую пульсацию чего-то неизмеримо мощного, заполнившего во время клятвы пространство горницы. Он попробовал внутренним усилием чуть отодвинуть 'это' от себя в сторону. Непонятно как, но получилось, стало полегче. Тогда он стал убирать 'это' от себя всё дальше и дальше, пока пульсация не исчезла совсем. Женщины разомкнули руки, на шаг отошли друг от друга, Вероника оглянулась на Олега – черты её лица смягчились, она стала такой же, как прежде.

– Тебе очень повезло, внучка – чуть завистливо сказала Антонина, окончательно признав свою родственницу.

– Я знаю – спокойно ответила Вероника, вернувшись на лавку.

Ничего не поняв, Олег посмотрел на печку – брат и сестра спали, обнявшись.

– Надо идти на станцию – Олег поднялся с полатей.

– Куда ты пойдёшь в таком виде? – Вероника показала на разводы от слёз и следы косметики на рубашке Олега.

– Снимите ... – Антонина сделала паузу.

– Олег Реутов – представился Олег.

– А по батюшке?

– Александрович.

– Олег Александрович снимите рубашку, я в бане её застираю.

Пока Олег через голову стаскивал с себя рубашку, Антонина скрылась в помещении за печкой. Через минуту вышла оттуда, держа на руках что-то вроде футболки с длинными рукавами.

– Оденьте пока, Фёдор с Полиной сейчас придут, а я в баню пойду, – она забрала рубашку Олега и вышла из дома.

Олег натянул 'футболку' на себя. В плечах было тесновато, а рукава явно коротки, ну ладно, сойдёт. Вероника встала с полатей и двинулась, было за Антониной, но остановилась около занавесок и вернулась в горницу.

– Хорошо, что ты осталась – Олег попробовал свести руки, тонкая льняная ткань жалобно затрещала – представляешь: возвращается муж с работы, а в избе незнакомый мужик в его ...

– Олег не смог вспомнить, как эта одежда называлась – футболке.

– В исподнем – в глазах Вероники заплясали весёлые чёртики

– Тем более. А что это было?

– Что? – чёртики запрыгали ещё веселей

– Клятва ваша и это ... – Олег не смог подобрать слова – ну, то, что здесь было.

– Ты смог убрать эволю родовой клятвы – чёртики в глазах Вероники остановились и задумались.

– Какого такого вола? – удивился Олег.

– Эволю – сделав ударение на 'Э', сказала Вероника – я очень прошу тебя: никому и никогда не рассказывая о том, что сейчас увидел и услышал.

– А если расскажу? – Олег вплотную подошёл к Веронике, окунувшись в лавандовое облако её духов. Она запрокинула голову и посмотрела ему в глаза. Чёртики в её глазах снова начали свой весёлый танец.

– Заколдуешь? – он обнял её за талию. Вероника, хитро улыбаясь, ещё более запрокинула голову.

– В жабу превратишь? – она привстала на цыпочки, обняла Олега за шею и закрыла глаза. В лавандовый запах вплелась новая нота, заставляя учащённо биться сердце.

Поцеловаться они не успели – по крыльцу затопали шаги, уже знакомые лёгкие Полины и более тяжелые – её отца. Вероника выскользнула из объятий Олега и пай-девочкой уселась на лавку, сложив руки на сомкнутых коленях. Олег так и остался стоять у печного угла, когда в горницу буквально ворвались отец с дочерью.

Фёдор Кузьмич оказался худощавым светлым шатеном на полголовы ниже Олега. Типичная славянская физиономия с прямым небольшим носом и серыми глазами. Довоенная железнодорожная форма сидела на нём как влитая. 'Не мускулистый, а какой-то жилистый' – подумал Олег, когда они поздоровались.

– Это Вероника – представил Олег свою спутницу. В родственные связи до возвращения Антонины он углубляться не рискнул. Пускай сами разбираются.

– Полина мне пыталась рассказать, но я так ничего не понял – осторожно сказал Фёдор, поглядывая то на Олега, то на спящих, на печке деток – какие-то марсиане на машине времени лучами смерти сломали нашу железную дорогу. Может, Вы мне объясните? Только побыстрее – через сорок минут нашу станцию пройдёт поезд 'Москва-Харьков'.

По лицу Фёдора было видно, что в дочерин рассказ он не особо верит, а вот присутствие в доме ранним утром незнакомых людей в странной одежде его сильно напрягает. Тем более, когда один из них – мужик – натянул на себя его верхнее исподнее, которое того и гляди, на спине лопнет!

– Остановите поезд! Он до Харькова не доедет, за вашей станцией рельсы ... – Олег запнулся, стараясь подобрать сравнение попроще – разошлись!

– Что-то Вы бредите – Фёдор не на шутку рассердился – три часа назад пути обходили, всё в порядке было! Два эшелона только что на Белгород прошли! Кто мне МОСКОВСКИЙ – он интонацией выделил это слово – поезд остановить позволит?

– А что с Вами НКВД сделает, когда на ВАШЕМ – Олег также подчеркнул – перегоне московский поезд с рельс сойдёт? Не только Вы пострадаете.

– Да быть этого не может! – воскликнул Фёдор

'Ну, блин, дедуля, сейчас ты в осадок выпадешь!' – подумал Олег, доставая сотовый телефон. Фёдор без любопытства посмотрел на блестящий прямоугольник со стеклом и кнопками. После московского съезда ударников НКПС, где товарищ Каганович лично наградил его вот этими наручными часами и последующей многочасовой экскурсией по Москве, Фёдор считал, что прогрессом его больше не удивить. Не такое видали!

– Полярное сияние ночью, в стороне Харькова, было? – спросил Олег, заходя в 'Галерею'. Фёдор кивнул.

– Смотри – Олег запустил на воспроизведение последний видеофайл. Повернул телефон экраном к Фёдору. На экране мелькнул асфальт, какая-то насыпь, зазвучали голоса, говорившие по-русски, но совершенно непонятно. Фёдор смотрел фильм на явно заграничной кинокамере и думал, как сдать этого шпиона-беляка-provокатора в НКВД.

– Хорошо, я Вам верю – он постарался сказать это как можно убедительней – пойдёмте на станцию, там разберёмся.

'Там пускай с тобой уполномоченный разбирается' – на самом деле подумал Фёдор.

– Поехали – Олег обрадовался, что предок так легко согласился. Вот что технический прогресс с человеком делает!

– Вы на машине времени поедете? А меня возьмёте? – Полина вскочила с лавки, где сидела рядышком с Вероникой.

– Не лезь поперёк батьки! – осадил дочь Фёдор.

– Что за машина? – удивлённо спросил он Олега.

– А разве Вы её не видели? – в свою очередь, удивился он.

– Мы огородами бежали – снова влезла Полина, но под взглядом отца замолчала и вернулась на лавку.

– Да вот она, перед домом стоит. Пойдёмте – Олег обошёл неподвижно стоявшего Фёдора и вышел во двор. Антонины всё ещё не было. Олег не стал её дожидаться, вышел со двора на дорогу, на ходу разблокировал двери 'Логана'.

Уже сев за руль, Олег увидел, как вышедший вслед за ним Фёдор всё ещё стоит у ворот.

– Садись – сказал ему Олег, закрыл дверь.

Фёдор вздрогнул и медленно пошёл к машине, обходя её со стороны дома. Абсолютно незнакомая модель, ни в одной черте не напоминающая виденные им в Москве 'ЗиСы' и 'Паккарды'. Крылья заподлицо с дверьми, огромные треугольные фары, вдавленные внутрь передка, такие же огромные, по сравнению со всем им виденным, цельные гнутые стёкла, сзади почему-то чёрные. На дверях, как бы составляющих часть кузова, не видно выступающих петель. Машина напоминала светло-серый слиток, в котором неведомый мастер легко прорезал линии дверей, капота и багажника. Наружу торчали только какие-то чёрные уши из передних дверей и наклоненный назад чёрный штырь из начала крыши, над сильно скошенным на самолётный манер ветровым стеклом.

– Садись – повторил Олег, открыв изнутри переднюю пассажирскую дверь. Фёдор осторожно вдвинулся вовнутрь, уселся.

– Дверь закрой – сказал Олег – вот на двери выступ, потяни за него на себя.

Дёрнув за указанную деталь машины, Фёдор захлопнул дверь. Олег поморщился 'как в полуторке хлопнул', вслух же спросил.

– Как на станцию проехать?

Фёдор не сразу оторвался от разглядывания убранства салона. Слова Полины он уже воспринимал совершенно по-другому.

– Прямо, через переезд и налево, – ответил он, продолжая крутить головой. Чёрные уши скрывали в себе зеркала заднего вида. Удобное высокое сиденье плотно охватило тело, впереди было нечто тёмно-серое напоминающее 'торпедо' 'ЗиСа', но размерами гораздо больше и сделанное из совершенно непонятного материала, как и светло-серые накладки дверей и стоек кузова. В этом 'торпедо' прямо перед Фёдором была небольшая выемка, внизу же что-то похожее на ящик с утопленной в него ручкой. Справа от выемки, у стекла, был чёрный кругляш размером с пол-ладони, с торчащими из него под углом двумя полукруглыми пластинами. Два таких же кругляша размещались по центру и ещё один со стороны водителя, так же у стекла. Под центральными кругляшами был небольшой блестящий прямоугольный выступ, почти полностью прорезанный сверху. По периметру он был усеян маленькими кнопками. Под прорезью бликовало стекло, слева от него выступала блестящая шайба. Ниже этого выступа, по краям разделяющего ноги водителя и пассажира светло-серого продолжения 'торпедо' вниз, было пять чёрных прямоугольников с непонятными значками. Четыре прямоугольника попарно по краям и один, больше размером, в центре. Ещё ниже расположенные треугольником чёрные ручки, слева от верхней ручки небольшая чёрная кнопка. Совсем в низу прорезь с маленьким выступом слева.

Из выступа пола между ними, закрытого серой накладкой, сразу за двумя круглыми выемками, вертикально торчал короткий рычаг с набалдашником, за ним, в глубине между сиденьями торчал под углом другой короткий рычаг.

– Поехали – Олег поворотом ключа завёл двигатель, снял машину с ручника и сдал, выворачивая, назад.

В закрытой изогнутым стеклом и прикрытой сверху полукруглым козырьком нише перед Олегом засветилась и тут же погасла россыпь разноцветных лампочек, пришли в движение стрелки двух больших циферблатов. В верхней части ниши, между циферблатами, засветилось маленькое жёлтое окошко с чёрными цифрами и чёрточками, собранными по краям в два столбика.

Пока Олег выруливал, на дорогу вышли Антонина и Вероника.

– Мы на станцию и назад – сказал им Олег, нажатием кнопки опустив стекло.

Фёдор увидел, как Олег на два щелчка повернул кольцо на торчащем влево от маленького руля чёрном стержне и одновременно с этим ручки, кнопки, циферблаты засветились жёлто-оранжевым светом. Постепенно редющий туман пробил два световых луча.

– Что за машина? – хрипло спросил Фёдор

– Румыны делают, а так французская разработка, фирмы 'Рено'. 'Логан' называется. Два года назад купил.

– Олег, извини, я сначала не поверил, а теперь ... – Фёдор попытался ухватиться за привычную ассоциацию – а может ты полярик? Или лётчик-испытатель? Раз такая машина у тебя.

Олег хмыкнул.

– Хотелось бы. В детстве мечтал лётчиком стать, даже в авиакружок ходил. Но не судьба. ... Нет, Фёдор – я простой торгаш, по-вашему – спекулянт.

– Как же тебя не посадили, за спекуляцию – то? – искренне удивился Фёдор.

– У нас это не преступление, а уважаемая работа – Олег посмотрел на вытянувшееся лицо Фёдора – слушай, что там, в будущем случилось.

За те пятнадцать минут, что они ехали до станции, Олег попытался кратко рассказать о взлёте и падении Советского Союза. О войне, через год кровавым потоком залившей страну, великой Победе и её цене, о причинах Катастрофы лета – осени сорок первого года, ставших известными к двадцать первому веку. О послевоенном подъеме, космосе и атомной бомбе, хрущёвках и 'Жигулях', застое и перестройке, новых городах и пустых прилавках, стройках коммунизма и о том, кто, когда и как их хапнул.

– Вот такие дела, Фёдор. Гайдар ваш книжки для детей пишет, уважаемый человек в Союзе, а внучок его всё народное достояние даром раздал нужным людям и сам себя не обидел. А мне, что было делать? Вернулся после армии на танковый завод, а там зарплаты только пожрать и пару раз шмоток прикупить хватало. Квартира уже не светит, сидеть на шее матери как-то стыдно, в бандиты идти западно. Завербовался к хантам, на север Тюменской области, водителем. Год отъездил, потом в Екатеринбурге, это ваш Свердловск, когда проезжал, сослуживца встретил. Он сразу после армии женился и к жене в Екатеринбург перебрался. Тогда как раз в крупной оптовой фирме работал, а им представитель нужен был на Украине. Начали работать, что только туда-сюда не продавали; лес, ламинат, подшивники, металлолом всякий, даже конфетами занимались. Денег, конечно, хочется больше, но мне пока хватает, машину вот два года назад купил, весной квартиру взял. На окраине и однокомнатная, но зато своя. Компаньон мой, Лёха, так же квартиру себе взял, правда, в кредит.

Они уже подъезжали к деревянному одноэтажному зданию на торце, которого гордо висела большая прямоугольная вывеска из крашенной жести 'ст. Долбино'. Дорога, по которой они ехали от переезда параллельно путям, от вокзала под прямым углом поворачивала направо. Перед зданием была небольшая площадь, очерченная с двух сторон избами, а напротив вокзала возвышалось монументальным квадратом двухэтажное кирпичное здание с красной черепичной крышей. Над двойной входной дверью, выходящей на площадь, значилось 'Торгсин', что было написано на другом входе, с уходящей вдаль дороги, Олег прочитать не сумел. Распулав несколько куриц, они остановились в углу площади, у вокзала, рядом с огороженным высоким забором небольшого палисадника с торца здания

– Можно куда-нибудь с площади заехать? – спросил Олег, представив какой нездоровый ажиотаж, вызовет его машина. Здесь 'эмку', наверное, не каждый месяц видели.

– Только к угольному складу – Фёдор показал на стоящий дальше вокзала, за избами, лабаз. Олег повернул налево и по довольно широкому проезду между путями и забором крайней избы подъехал к двойным воротам. Над правыми большими металлическими буквами было составлено слово 'Склад', над левыми ничего не значилось, сюда от стрелки заходили железнодорожные пути, подходящие к угольному складу и возможно ещё куда-то.

Развернув машину, Олег поставил её в карман, образованный заборами склада и крайней к путям избы. Увидеть её можно было только с путей напротив, вид с вокзала скрывали растущие у забора высокие кусты акации.

Олег показал, как открывается дверь, Фёдор вышел, ей даже не хлопнув. Олег забрал с заднего сиденья свою ветровку – в исподнем, даже верхнем, ходить было как-то неудобно, и вышел из машины. Туман почти рассеялся, за забором лениво брехала псина.

Поставив машину на сигнализацию, Олег пошёл вслед за Фёдором.

– Кем ты работаешь? – спросил Олег, почти догнав железнодорожника.

– Дежурный по станции – гордо ответил он, не оборачиваясь.

– Коммунист, наверное?

Фёдор как будто споткнулся, остановился, подозрительно взглянул на Олега

– А тебе это зачем?

– Так, интересно. Ты ведь, считай ночью за начальника остаешься, ответственность большая, да и вообще ... – что он имел в виду под 'вообще', Олег не сказал, но железнодорожник его понял.

– Пока кандидат – со вздохом ответил Фёдор.

– А что так?

– Происхождение подкачало.

– Ты из 'бывших', чтоль? – участливо спросил Олег ушедшего вперёд на два шага железнодорожника.

Фёдор взвился.

– Отец у меня Советскую власть в волости устанавливал, в губревкоме был, всю гражданскую на бронепоезде 'Борец за свободу рабочего класса' прошёл, от ран скончался в тридцатом, а ты ...

– Извини, извини – Олег выставил вперёд ладони, успокаивая разбушевавшегося железнодорожника во втором поколении – не знал, что ты из семьи героя революции. Так в чём дело?

Фёдор утих, как выключенный из розетки чайник. Какое-то время они шли молча. 'Какие они все здесь нервные, что он, что жена ... а-а-а, жена! Ну-ка, ну-ка, что ты скажешь?' – почти догадался Олег

– У Антонины происхождение ... не того – почти дойдя до вокзала, мрачно сообщил Фёдор. – Вот их бывший дом – он остановился и ткнул ладонью в сторону двухэтажного кирпичного здания. Папаша её, Прохор Петрович, купчина был первой гильдии, всю торговлю окрест в кулаке держал. Мироед был страшный. В империалистическую, когда два старших сына погибли, пить начал. Всю родню гонял. Ну и по бабам большой ходок стал. Жена его, Лизавета Павловна, Антонинина мать, терпела-терпела, да и перед революцией развелась, в Белгород уехала. Так он ей ничего не дал при разводе, взяла только то, что на ней и дочери было. Начала она с ним судится, хотя бы приданное своё забрать, а тут революция грянула. Сначала в феврале, потом в октябре.

Фёдор перевёл дух и продолжил.

– Не до приданного стало и многого другого, что по суду удалось получить, как бы голову сохранить. Вернулась Лизавета зимой семнадцатого с дочкой в Долбино, в отчий дом. Он там – Фёдор махнул рукой в сторону уходящей дороги – на берегу Лопани. Сейчас там школа.

– Большой дом, наверное?

– Да, дед Антонины построил. – Фёдор не уточнил социальный статус деда, но ясно, что он был не из сельских пролетариев.

– Вы в чём доме живёте – решил уточнить Олег – твоих родителей?

– Нет, там младший брат с семьёй. Этот дом Антонине тётка завещала.

– Тётка? Антонине?

– Детей у неё не было, вот он ей и достался. В гражданскую погорел малость, но я его с братьями переложил.

– А тётка?

– Тётка умерла вскоре после развода. Говорят – Фёдор машинально оглянулся по сторонам – что она Прохора, перед своей смертью прокляла, за блудство и жадность великую. Сгинул он в гражданскую, никто не знает, как и где. Могла она так сделать, да – к ней со всей губернии приезжали. Кто за советом, кто за травкой какой, кто о будущем разузнать. Поэтому дом на самой окраине стоит, и никто на него не позарился, пока наследница не подросла, и потом ...

Фёдор замолчал, они вышли на выложенный разнокалиберным булыжником узкий перрон.

'Вот о чём сериалы снимать надо, а не Дом-2 лохам пропихивать!' Олег даже не ожидал узнать про такие страсти и повороты судьбы. Фёдор снял висячий замок, они зашли в помещение станции.

Олег прошёл вслед за Фёдором тамбур и оказался в небольшом зале, занимавшем всё правое крыло здания. Напротив был закрытый сейчас выход на площадь, справа в два ряда стояло несколько лавок, свет попадал через четыре окна, два справа от выхода на площадь и симметрично им два на перрон.

– Сюда – Фёдор повернул налево. В середине окрашенной светло-зелёной краской, как и всё помещение, стене была узкая дверь, слева окошко кассы с расписанием. Из этой же стены в зал ожидания, справа от двери, выступал белёный полуцилиндр печи. Противоположная стена была завешана продукцией агитпропа с вариациями на тему 'пятилетку в четыре года', 'догоним и перегоним'. Вопреки ожиданиям, плакатов с удавливаемой могучей рукой пролетария гидрой империализма не было. Троцкизм так же не упоминался. Зато присутствовал плакат о борьбе немецкого рабочего класса с мировой буржуазией. В лице Чемберлена или Даладье, Олег рассматривать не стал, хватило самого лицемерия свастики в положительном агитконтексте.

Открыв дверь фигурным ключом, Фёдор пропустил Олега в коридор с четырьмя дверьми, одной со стороны площади, двумя со стороны перрона и одной напротив, выходящей в закрытый забором палисадник. Они прошли первую слева дверь с надписью 'Касса', затем вмурованную в стену печь с заслонками и задвижками. У последней слева двери, над которой значилось 'Дежурный', Фёдор остановился и выжидательно посмотрел на Олега.

– Что? – спросил Олег

– Если ты наврал, смотри. Хреново всем будет.

– Не наврал – Олег решил добавить предка. Достал телефон, – открывай, что в коридоре стоять.

– Сейчас место разрыва уточним – пояснил он Фёдору, когда они зашли в кабинет дежурного.

Набрав номер Сергея, Олег в ожидании ответа рассматривал рабочее место прадеда Вероники. Массивный однотумбовый стол с керосиновой лампой и литым письменным прибором справа от окна, ещё дореволюционный, наверное. Такой же стул и застеклённый шкаф с другой стороны окна. Дверцы шкафа изнутри занавешены. В углу справа от двери небольшой сейф и прибитая к стене вешалка. Слева от входа вовнутрь выпирает угол печи. На стене между шкафом и печкой висит громоздкий телефонный аппарат.

– Я на станции – сказал Олег, дозвонившись.

– Дай кого-нибудь – попросил Сергей.

– Пока не могу – не колеблясь, ответил Олег – ты мне скажи, на каком расстоянии разорвана дорога?

– От меня или от вас – уточнил Сергей

– От Долбино, конечно!

– Сейчас – слышно было, как Сергей переговаривается с кем-то по другому телефону – так, от границы станции до разрыва будет две тысячи двести метров.

– А как место разрыва выглядит, как на автодороге?

– Нет, сама насыпь, и верхнее строение пути сохранились, но они разрезаны и смещены относительно друг от друга. Ось главного хода с нашей стороны смещена вверх на сто сорок шесть миллиметров и на шестьдесят миллиметров вправо. На втором пути аналогично. Да, путейцы говорят, что там лежат деревянные шпалы, но я в этом сомневаюсь – туман был очень плотный, может, показалось.

'Нет, не показалось' – подумал Олег, отключаясь. Он пообещал в течении получаса ещё раз позвонить. Сейчас надо было остановить московский поезд.

Разговаривал он, подойдя к окну. Развернувшись, он увидел немой вопрос в глазах Фёдора 'Что это было?'

– Это телефон – Олег положил сотовый на когда-то лакированную столешницу – точнее, радиотелефон. Я звонил на соседнюю станцию – он усмехнулся – в будущее. О том, что здесь сороковой в год они пока не знают. Пути разрушены, нужен аварийный поезд. Ты можешь в Белгород позвонить?

Фёдор молча подошёл к висевшему на стене телефонному аппарату, снял трубку. Послушал, постучал пару раз рычагом. Растерянно обернулся к Олегу.

– Ничего. Даже гудка нет. А ты можешь сам позвонить?

– Скорее всего, нет. Хотя – он увидел сомнение в глазах железнодорожника – Давай попробуем.

Олег набрал продиктованный номер с кодом 'старого' Белгорода. В трубке запищало и женский голос ответил 'Данный вид связи временно недоступен'.

– Облом – Олег убрал мобильник в поясную сумочку, – надо самим выкручиваться.

Фёдор, поколебавшись, достал из кармана тужурки ещё одну связку ключей и открыл сейф. Взяв толстую амбарную книгу, прошнурованную серой верёвочкой, и печать, он положил всю канцелярщину на стол. Олег заметил, что с лицевой стороны книги, сделанной из плотного серого картона, концы верёвочки проходят через массивную, наверно сургучную, печать.

Фёдор стал быстро что-то писать в раскрытую книгу, периодически макая перо в стоявшую на столе чернильницу. Сделав запись, он достал из стола тонкий бумажный лист, аккуратно промокнул им уже подсыхающие чернила. Совершив эту процедуру, он поставил печать, убрал книгу и печать в сейф, закрыл его и вернувшись к столу, достал из его верхнего ящика красный круг на длинной палочке и красную же фуражку.

– Пошли, поезд пройдёт через пятнадцать минут. Нам ещё надо закрыть входной семафор.

Вернувшись от входного семафора, судя по монументальности изготовления, так же дореволюционного, как и всё остальное на станции, они остановились на перроне. Фёдор в красной фуражке и с красным кругом почти на краю, Олег отошёл к зданию. Туман рассеялся и полностью вставшее над горизонтом, солнце обещало днём жаркую погоду.

– Три минуты – посмотрев на массивные наручные часы, сказал Фёдор.

Действительно, вдалеке уже появился султан дыма. Судя по скорости его приближения, предки ездили не спеша. 'Километров сорок в час' прикинул Олег.

Дав два сигнала, паровоз притормозил у границы станции и медленно подтянул поезд к перрону. Фёдор всё это время крутил вытянутой правой рукой с предупредительным сигналом поперёк его движения.

Паровоз остановился напротив Олега, с шумом выпустив паровые 'усы'. Никогда ранее не видев эту доисторическую машину в действии, Олег подошёл поближе. От паровоза ощутимо несло теплом, шумели и пищали какие-то невидимые механизмы, в воздухе повис аромат смазки и сгоревшего антрацита.

Пока Олег с любопытством разглядывал действующий железнодорожный антиквариат, к Фёдору из кабины спустился машинист и начал его о чём-то бурно расспрашивать. Буквально через минуту, из первого синего вагона, к нему подошёл какой-то, судя по форме, железнодорожный и с середины состава к ним буквально бежал персонаж в гимнастёрке, уставных брюках и сапогах. 'Аж до сюда ремнями скрипит' – подумал Олег, рассматривая новое действующее лицо – 'ба, да у него фуражка с околышем василькового цвета и кобура с планшеткой на поясе. Кровавая гэбня пожаловала! Сейчас диверсию с вредительством искать начнёт'.

Фёдор в третий раз, уже подбежавшему к нему энкавэдешнику, объяснил причину остановки поезда. Олег не слышал разговора – над ухом шумел паровоз, до четвёрки предков его разделяло расстояние в полпаровоза и один тендер. Видимо, закончив объяснения, Фёдор повернулся в сторону Олега. Только сейчас остальные действующие лица – Олег не мог отде-

латься от ощущения, что сдуру попал в какой-то псевдоисторический фильм – соизволили обратить на него своё драгоценное внимание. 'Пора дедушку выручать, пока гэбнюк его совсем не закрыл' – весело подумал Олег и, не дожидаясь особого приглашения, пошёл в их сторону.

Машинист только скользнул по нему взглядом и снова наелся на Фёдора, чекист же с начальником стали внимательно его разглядывать. 'Ишь, вылутился' – злорадно подумал Олег насчёт буравящего его взглядом низкорослого чекиста – 'нашёл виновника остановки. Наверное, уже дело шьёт. Диверсия на транспорте, совершённая группой лиц по предварительному сговору. Двадцать лет строго расстрела, не меньше'. Начальника, строгой выправки пожилого дядечку, с густыми усами и круглыми очёчками на нордического вида носу, больше заинтересовал прикид Олега. Он периодически переводил взгляд с летних туфель на ветровку. Джинсы его не удивили.

– Здравствуйте – поздоровался Олег, подойдя к ним. Он с удивлением отметил, что оказался среди них самым высоким и широкоплечим. Предки были как минимум на полголовы ниже и более худощавыми, что ли.

– Вот – Фёдор с видимым облегчением указал на Олега – кто предупредил о аварии. Свидетель, так сказать.

'Ну, спасибо, дедуля! Уже в дело вставил!' – Олег, проигнорировав дёрнувшегося к нему чекиста, повернулся к старшему железнодорожнику:

– Пути разрушены через две тысячи двести метров от границы станции. Восстановить их пока не могут. Нужен аварийный поезд из Белгорода.

Высказав просьбу Сергея, Олег посмотрел на чекиста. Специально для него пояснил

– Произошло непонятное явление – рельсы и насыпь разрезало, как ножницами. Пути смещены, проехать вы не сможете.

Олег хотел добавить 'да и ехать вам там дальше некуда', но сдержался. Чекист, почуяв паузу, буквально выстрелил в Олега:

– Кто Вы такой?

– Олег Александрович Реутов – он немного замялся, 'переводя' своё положение с 'капиталистического' на 'советский', – директор предприятия.

– А Вы кто? – остановил он, было набравшего полную грудь воздуха чекиста – разве Вы не обязаны представляться гражданам?

Чекист с усилием сдержался и сухо выговорил:

– Сержант госбезопасности Шубин Михаил Фёдорович, Курское управление НКВД на транспорте.

– Начальник поезда Сергиенко Дмитрий Потапович – представился пожилой железнодорожник.

Олег обернулся назад, но машиниста с Фёдором там уже не было – они уже заходили в станционное здание.

– Можно поподробнее? – спросил Сергиенко Олега, – каков характер разрушений?

Олег повторил всё, что узнал от Сергея, добавив от себя, что в этом месте наблюдалось полярное сияние.

– Да, мы видели – подтвердил Дмитрий Потапович – из Белгорода. Зарево от горизонта до горизонта. Как стена. Что с Вами?

Олег почувствовал лёгкий приступ дурноты – 'от горизонта до горизонта! Значит, не только здесь дороги порезало. Верно, граница по полю уходила к горизонту. Значит ...' истинных масштабов случившегося события он себе представить не смог, но то, что дело не ограничится парой дорог и деревень, он уже понял.

– Необходимо осмотреть место происшествия и произвести первоначальные следственные действия – чекист явно хотел свести всё к диверсии и саботажу.

– Да, надо всё зафиксировать в акте – частично согласился с ним начальник поезда.

– Пошли – сказал Олег, – до разрыва отсюда два километра.

Топать пешком по шпалам предкам явно не улыбалось, поэтому Сергиенко, дождавшись машиниста, отдал ему какое-то распоряжение и в течении пяти минут от состава был отцеплен первый вагон с паровозом.

– Прошу – начальник поезда сделал Олегу пригласительный жест в сторону вагона. Чекист уже зашёл вовнутрь.

Забравшись в тамбур, Олег с удивлением закрутил головой. По фильмам он представлял себе довоенные вагоны чем-то вроде ухудшенных предтеч советского подвижного состава. В детстве Олег с мамой пару раз ездил в Крым, в санаторий, и впечатления об этих поездах у него остались не самые лучшие. Что уж было ожидать от их довоенных предков. Даже внешне вагон по сравнению с привычными Олегу был меньше, окна уже, дверь утоплена вовнутрь и вообще, выглядел как после долгого голодания – везде торчали какие-то угловатые элементы и выступающие наружу соединители деталей конструкции. Но здесь, внутри!

Везде сияла до блеска начищенная латунь и бронза, полированные деревянные панели закрывали стены, на полу лежал красный ковёр! 'Вот это да!' думал Олег, разглядывая витиевато украшенный бронзовый плафон 'если здесь такая лепота, то, что в купе делается!' Он заглянул в коридор, полюбовался идеально вычищенным ковром и со вздохом закрыл дверь.

– Не доводилось первым классом ездить? – понимающе спросил его Сергиенко, оставшийся в узком тамбуре покурить.

– Да, я пару раз в плацкарте ездил, купе слишком дорого было, – ответил Олег.

Сергиенко кивнул и сделал первую затяжку.

– Не курите? – спросил он Олега.

– Нет. В детстве пробовал пару раз, не понравилось.

– А я всё бросить не могу – пожаловался Дмитрий Потапович – врачи в нашей больнице мне постоянно об этом напоминают. Гублю, мол, здоровье.

Проехали они за этим разговором минуты четыре, как паровоз неожиданно протяжно загудел.

– Что такое? – Сергиенко открыл дверь вагона и выглянул наружу по ходу движения – Что это там? – растерянно сказал видевший многое железнодорожник, узрев что-то совсем ему неизвестное.

– Где? – Олег посмотрел вперёд поверх его головы – а, путейцы руками машут.

Действительно, навстречу паровозу прямо по рельсам бежал человек в оранжевом жилете поверх спецовки, отчаянно размахивая над головой руками. Паровоз начал медленно тормозить, с шипением выбрасывая пар.

Олег спустился на насыпь, пошёл навстречу к перешедшему на быстрый шаг железнодорожнику. Они встретились метрах в десяти от паровоза.

– Пути разрушены, дальше не проедете, а паровоз, откуда? – единым порывом выдохнул молодой парень

– Из Белгорода – не став пока объяснять случившееся, ответил Олег – сами не восстанавливаете?

– Нет – путеец мотнул головой – нужен путеукладчик и надо насыпь отсюда поднять. Сейчас профиль промеряем. А это кто такие? – спросил он, указывая на подошедших к ним начальника поезда и чекиста.

– Кино про войну, что ли, снимаете? – он попытался разумно объяснить присутствие на месте аварии людей в довоенной форме и пыхтящего за ними краснозвёздного паровоза.

– Какую войну? – вскинулся чекист

– Великую Отечественную, какую же ещё! – ответил парень. Чекист удивлённо замолчал, Сергиенко смотрел куда-то дальше, в сторону стоящей метрах в тридцати на путях небольшой дрезины с выдвинутым вбок краном.

– Как у вас всё здорово выглядит. Форма, паровоз настоящий, не симуляция компьютерная. Бондарчук, наверное, снимает? – заинтересовался путеец, поднимая лежащую поперёк пути линейку нивелира.

– Ага, 'Железнодорожный штрафбат' – ответил Олег, внимательно наблюдая за предками. 'Как бы их футуришок не хватил' забеспокоился он 'аж замолчали, болезные. А этот куда рванул?' Олег пошел вслед за двинувшим к дрезине чекистом.

Они дошли до места разрыва и остановились. Чекист, как давеча Сергей, присел на корточки и задумчиво провёл ладонью по блестящему срезу. Пути со стороны Октябрьского были выше сантиметров на пятнадцать и немного сдвинуты в сторону. Срез рельса блестел как полированный. 'Действительно, как ножницами разрезано' подумал Олег, осмотрев место разрыва 'пути практически стык в стык идут, без зазора'.

– Откуда там контактная сеть? – прозвучал сзади Олега вопрос Сергиенко – с этой стороны её нет.

Действительно, перед ними на рельсах лежало полпролёта контактной сети, обрезанной прямо на весу. 'Коротнуло здесь знатно' подумал Олег, увидев оплавленный конец контактного провода. 'Может, поэтому связь и выбило' пришёл он к такому выводу, увидев валяющиеся на земле телефонные провода с линии, идущей параллельно рельсам метрах в семи слева от насыпи. С одной стороны столбы этой линии были деревянные, с другой бетонные. Точно так же, как на автодороге, от горизонта до горизонта шла, слегка загибаясь, разделительная черта, пересекая насыпь, телеграфную линию, лениво текущую в поодаль речку. Далее черта по склону поднималась на поле и исчезала из виду. На самой границе, со стороны Октябрьского, между рельсами был закреплён лазерный нивелир.

Чекист поднялся и ошеломлённо молчал, обводя взглядом окрестности.

– Что здесь случилось? – спросил начальник поезда, доставая пачку папирос. Вопрос был явно адресован Олегу.

– Вот там – Олег махнул рукой в сторону дрезины – две тысячи восьмой год. А вот там – взмах в сторону Долбино – тысяча девятьсот сороковой. Здесь – он указал на разделительную черту – граница времён.

Чекист вдруг подобрался и начал внимательно наблюдать за кем-то, скрытым от взгляда Олега дрезиной. Через минуту из-за неё показался и быстрым шагом направился в сторону линии раздела самый обычный российский милиционер лет тридцати в летней форме одежды, правда с накинутым на плечо ремнём автомата. Подойдя к стоявшим тесной группой предкам и Олегу, окинул их цепким взглядом, профессионально задержавшись на Шубине, и представился.

– Старший сержант Рокотов Андрей Юрьевич. Вы кто такие?

Предки промолчали, внимательно разглядывая сотрудника будущих внутренних дел. Шубин отвёл взгляд от АКСУ и нехотя представился:

– Сержант госбезопасности Шубин Михаил Фёдорович, Курское управление НКВД на транспорте.

– Начальник скорого поезда 'Москва-Харьков' Сергиенко Дмитрий Потапович.

– Гражданин Украины Реутов Олег Александрович – Олег достал из внутреннего кармана ветровки паспорт и протянул его сержанту. Тот взял его левой рукой, мельком просмотрел и вернул обратно. Правая ладонь сержанта так и осталась лежать на автомате, охватывая сверху затвор 'укорота'.

– По делам приехал, а тут такая катавасия – пояснил Олег милиционеру – на трассе чуть самого не разрезало вместе с машиной, у самой границы оказался.

– Эмчеэсники там уже были – Рокотов не сводил взгляд с чекиста, как тот с него – радиации не обнаружили. Вы, товарищ сержант – обратился он к нахмуривавшемуся от такой

издёвки Шубину – руку-то с кобуры уберите. Вам ещё надо пистолет достать и затвор передёрнуть, а мне – нет.

Он ладонью слегка повернул автомат и Олег увидел, что планка предохранителя сдвинута в положение 'одиночный огонь'. Обстановка несколько накалилась. Шубин напрягся, но руку с кобуры убрал.

– Вы ещё с кем-то связались? – спросил Олег милиционера, стараясь разрядить возникшее напряжение.

– С Харьковом и дальше – старший сержант внимательно рассматривал стоявших рядом предков. В его взгляде Олег увидел странную смесь любопытства и жалости – по крайней мере, Украина на месте осталась. Так что товарищи, не рекомендую эксцессы устраивать. Против нас вы точно не вытянете.

– Ещё посмотрим – зло бросил Шубин, резко развернулся и быстро пошёл к паровозу. Сергиенко, помявшись, двинулся за ним.

– Вы с ними? – спросил оставшегося Олега милиционер.

– Да – ответил Олег – там у меня, в Долбино, девушка и машина.

– Если, что – звоните 02 – милиционер вдруг улыбнулся и протянул Олегу руку – до встречи.

– До встречи – Олег пожал руку и, повинувшись интуиции, спросил – вы в Чечне воевали?

– Да – улыбка исчезла с лица Рокотова – Хасавюрт. Ладно, идите, а то паровоз без вас уедет.

Олег развернулся и быстрым шагом пошёл догонять удалившихся предков.

До вагона они дошли молча, оставив железнодорожников из Октябрьского заниматься своими делами. Кроме измерений профиля пути, они начали срезать обрушившийся пролёт контактной сети. Уже подойдя к паровозу, Сергиенко спросил Олега

– Вы то же из будущего? Я ещё на станции обратил внимание на вашу одежду, но подумал, что она заграничная. Брюки на Вас американские.

Чекист идущий впереди, заинтересованно обернулся:

– Вот-вот, я сразу в Вас иностранца признал! – сообщил он.

– Ну, я и есть иностранец – развёл руками Олег, когда они подошли к подножкам вагона – для вас – уточнил он.

– Давайте в моём купе поговорим, я пока задержусь – Сергиенко вернулся к паровозу и скомандовал машинисту возвращаться обратно. Олег с Михаилом – Фёдоровичем он его назвать не мог, слишком молод! – поднялись в вагон и молча прошли по коридору до крайнего купе с начищенной медной табличкой 'начальник поезда'.

– Прошу – вернувшийся Сергиенко открыл ключом дверь, и они зашли в его купе. Роскоши, с точки зрения Олега, здесь было, хоть отбавляй. Особенно для узкого одноместного купе. Но не это сейчас заботило Олега – надо было нормально поговорить.

– Садитесь – Дмитрий Потапович указал на застеленную белым бархатным покрывалом кровать. Лавкой её назвать язык не поворачивался.

– Прокурор посадит – пошутил Олег, устраиваясь у окна. Сергиенко сел ближе к дверям, Шубин остался стоять. Пейзаж за окном плавно пришёл в движение, они возвращались обратно на станцию.

Олег не знал с чего начать разговор, но его опередил чекист:

– Вы сказали, что являетесь гражданином Украины. Что это за государство?

Олег молча достал из внутреннего кармана ветровки украинский паспорт и протянул его чекисту. Тот взял его, как гремучую змею, увидев отпечатанный на обложке герб 'Незалежной'. Осторожно начал перелистывать, дошел до страницы с регистрацией места жительства и на ней остановился.

– Что-то не так? – участливо поинтересовался Олег, представляя, какая каша сейчас в голове у Шубина.

– Вот здесь написано, что Вы проживаете по адресу – город Харьков, улица маршала Жукова, дом двадцать восемь дробь один, квартира двенадцать?

– Да, именно так.

– Но ... – чекист пальцем заложил эту страницу, отлистал в самое начало – это паспорт украинского государства. Его не существует!

– У Вас – да! – жёстко сказал Олег, без труда забрав у Шубина паспорт и отдав его Сергиенко на осмотр.

– Оно существует в будущем, то есть там – он указал себе за спину – а ещё там существует Российская Федерация, вот на этом самом месте, – он указал на пейзаж за окном – Советского Союза нет уже семнадцать лет, с тысяча девятьсот девяносто первого года.

Шубин опёрся спиной на стенку купе, видно было, как ему физически невозможно вытерпеть этот исторический факт. Сергиенко глухо молчал, вернув паспорт Олегу.

Олег во второй раз начал рассказывать то, что он говорил Фёдору. Они уже приехали на станцию, с лязгом сцепились вагоны, а он всё говорил и говорил. Предки потрясённо слушали, не перебивая его даже в самых невероятных для них местах.

Высказавшись, Олег посмотрел на Шубина. Видно было, что его охватило яростное желание высказать этому антисоветчику всё, что он думает по поводу сказанной сейчас клеветы, но в то же время идти против увиденного он не может. Артефакт появления из ниоткуда вдоль железной дороги бетонных столбов с подвешенной контактной сетью был налицо, он сам разговаривал с милиционером в погонах, вооружённым неведомым оружием и с дореволюционным имперским флагом на большом нагрудном жетоне самого американского вида. Внимательно рассматривал паспорт невозможного государства, выполненный по невероятной в это время технологии. Таких документов им на курсах не показывали!

– Надо составить акт о повреждении путей – начальник поезда прервал затянувшееся молчание.

– Да – очнулся чекист – составляйте, я подпишу.

– Я то же – добавил Олег.

– Как Вы в нём будете фигурировать, гражданин из будущего? – с нескрываемым сарказмом произнёс Шубин.

– Как житель города Харькова – пожал плечами Олег.

Чекист кивнул и хотел что-то сказать, но не успел – за окном взвыла сигнализация 'Логана'. Олег бросился вон из купе, чекист за ним следом.

Выскочив на перрон, Олег бегом по путям рванул к угольному складу. 'Ну, бл..., если кто долбанул, поймаю – ноги выдерну!' На бегу достал брелок, отключил сирену. На экранчике брелка светился значок 'слабый удар по кузову'.

Скотившись с насыпи и подбежав к машине, он увидел, что стёкла целы и царапин на кузове нет, а между слегка перекошенными створками ворот склада застряла истошно блеющая коза. Вдали, за воротами улепётывали мимо лабаза остальные три члена козьего коллектива. 'Застряла, сука. На тебе!' Олег отвесил козе увесистого пинка, позволившего ей вырваться из неожиданного плена.

– Ай, дяденька, не надо Машку обижать! – сквозь слёзы прокричал сзади тонкий мальчишеский тенорок.

– А кого надо – тебя?! – Олег развернулся к говорившему, шупленькому белобрысому пацану лет шести, босиком и в каких-то штопанных портках. Тот вместо ответа заревел во весь голос.

– Я хотел мааашину пооосмотреть, а она кааак заагудит! – парень даже стал заикаться от пережитого.

– Ладно, ладно, успокойся – Олег опустил перед пацаном на корточки, платком вытер слёзы. 'Что-то больно часто соплю вытирать стал' мельком подумал он 'смелый пацан, не побоялся признаться'.

– Не плачь, она больше гудеть не будет. Хочешь посмотреть?

– А можно? – у мальчишки даже слёзы высохли, он только мелко подрагивал.

– Можно – Олег взял его за худое плечо и пошёл вместе с ним к стоящему у капота 'Логана' Шубину.

– Дядя, а вы милиционер? – мальчишка с восторгом смотрел на форму Шубина.

Он повернулся к нему, улыбнулся и козырнув, представился:

– Сержант госбезопасности Шубин Михаил Фёдорович.

– А меня Витька зовут, – серьёзно ответил мальчик, буквально распираемый новыми впечатлениями. Новую машину посмотрит, и с настоящим милиционером познакомился!

– Так – преувеличенно бодро сказал Олег, разблокировав двери – это машина фирмы 'Рено'. Новая модель! Выпускается в Румынии и Москве.

– Да, да – ответил он на немой вопрос в глазах чекиста – в Москве. Там – он сделал неопределённый жест рукой – Пошли, за шофёра будешь – сказал он Витьке, открыв водительскую дверь.

Пацан осторожно уселся на водительское сиденье, попробовал покрутить руль.

– Сейчас – Олег обошёл машину, сел на пассажирское сиденье и вставил ключ в замок зажигания.

– Теперь крути – разрешил он мальчугану, повернув ключ. – Садись, что стоять – пригласил Олег чекиста, распахнув заднюю правую дверь.

Шубин прошёл вдоль машины и так же аккуратно поместился на заднее сиденье. Витька пробовал повернуть руль, но силёнок хватило только на четверть оборота.

– Тяжело? – спросил Олег мальчика. То помотал головой, пытаясь повернуть руль дальше вправо.

Олег завёл двигатель. Вспыхнули и погасли лампочки на панели приборов, остался гореть только индикатор стояночного тормоза.

– Ой – сказал Витька, когда легко смог прокрутить руль до упора. Потом провернул до упора в другую сторону. Олег заглушил двигатель и вытащил ключ.

– Гидроусилитель стоит – сообщил Олег Шубину, убирая ключ в нагрудный карман. Чекист слабо кивнул, осматривая внутренности салона.

– Интересно? – спросил Олег мальчика. Тот восторженно улыбнулся. – А козы твои разбежались – серьёзно продолжил Олег – что тебе мама скажет?

– Ой – сказал Витька, выскочил из машины, протиснулся сквозь ворота и побежал загонять глупую скотину обратно.

– Вот так и живём – сообщил Олег в пространство. На заднем сиденье Михаил видимо уже осмотрел всё, что можно и задал только один вопрос:

– Это зачем? – Олег обернулся. Чекист указывал на ремень безопасности.

– Это ремень безопасности. У нас при движении пристёгиваться обязательно. Даже в правилах пункт есть. Штрафуют, если так едешь, без ремня. – Олег вытянул ветвь ремня и щёлкнул замком – надо вот так. Ну что пойдём акт подписывать?

– Пойдём – эхом отозвался чекист

Они вышли из 'Логана'. Олег поставил машину на сигнализацию

– Это так, пацанов пугать – пояснил свои действия Олег – если серьёзные люди захотят машину украсть, не поможет.

– Что, много крадут? – проявил профессиональный интерес Михаил. Они уже прошли кусты акации.

– Прилично. Милиция находит около половины. Но эту машину вряд ли кто красть будет, слишком дешёвая для жуликов. Невыгодно связываться.

– А сколько она стоит?

Олег задумался. Действительно, как перевести стоимость из денег 2008 года в деньги 1940-го? Нужен какой-то эквивалент.

– Я брал её за одиннадцать с половиной тысяч долларов.

Чекист чуть не споткнулся на ровном утоптанном месте.

– Но это же огромная сумма!! За эти деньги можно самолёт купить!

Олег с интересом посмотрел на него – где это в СССР частному лицу можно было купить самолёт, да ещё за валюту? Чекист понял, что сказал что-то не то и поправился:

– В Штатах, конечно. Нам на курсах рассказывали. Там машины дешевле тысячи долларов стоят.

– Понятно – Олег сообразил, что бакс так же обесценился – доллар, как был бумагой, так и остался. Что у вас, что у нас. Оказывается, он сильно подешевел за это время. Нет вечных ценностей, хотя ...

Олег остановился, поражённый простой мыслью – к чему обесценился доллар? А если так? Он сделал мысленный перерасчёт:

– Получается, что моя машина стоит сорок пять золотых червонцев. Николаевских или ваших, как их, 'Сеятелей'. Они у нас до сих пор в банках продаются всем желающим.

– Всё равно дорого – даже пересчитанная в золото стоимость машины была для Михаила неподъемной суммой – мне, например, столько не заработать.

Олег хотел, было пошутить 'у нас мент не за зарплату работает' но передумал. Вспомнил лицо Михаила, когда он услышал, что СССР больше нет. Как будто у него на живую отрезали руку или ногу. Может, так оно и было, в душевном плане, конечно. Олег никаких эмоций по поводу бывшего государства не испытывал – ни плохих, ни хороших. Ему было просто пофиг. Только теперь он начал понимать, что тогда вело предков в бой без всякой надежды на победу. Только за это стоило их уважать. Сам он не мог так поступить. Ну, или пока не мог.

В таких размышлениях Олег дошёл до первого вагона. Чекист опять его опередил, заскочив на подножку. Олег поднялся, прошёл до купе Сергиенко. Акт уже был готов. Михаил, читая, держал его на весу. Начальник поезда так же сидел на кровати, откинувшись на стену, флегматично протирая тонкой бархоткой очки.

– Всё верно – Михаил положил акт на откидной столик у окна, на котором стоял походный письменный прибор. Аккуратно расписался перьевой ручкой.

– Прочтите и распишитесь – казённо сказал чекист, дождавшись, когда высохнут чернила на его подписи.

Олег взял акт, прочитал. Текст был перегружен железнодорожными терминами и оборотами, но даже неспециалисту можно было понять, что Сергиенко просто констатировал факт аварии, без каких либо предположений о причинах. 'Осторожный мужик' подумал Олег, доставая из узкого кармашка ветровки авторучку. Присев на кровать у столика он быстро вывел внизу автографов чекиста и железнодорожника 'Подтверждаю' и расписался с расшифровкой подписи.

– Адрес надо писать? – не поднимая головы, спросил Олег стоящего рядом Шубина.

– Да, напишите – спохватился тот.

Олег дописал свой адрес вместе с номером сотового телефона.

– Готово – он подал лист Сергиенко.

– Что-нибудь не так? – спросил Олег, заметив некую заминку предков.

– Странная у Вас ручка – заметил Дмитрий Потапович, уже водрузивший очки обратно на нос – в чернила макать не надо.

– Обычная шариковая. Возьмите, там новый стержень – Олег протянул авторучку железнодорожнику. Тот, поблагодарив, спрятал её в рыжий портфель, лежащий рядом с ним на кровати.

– Что это за цифры? – спросил чекист, внимательно изучавший написанное Олегом

– Мой номер телефона – Олег не стал доставать сотовый и что-либо объяснять, должны сами потом разобраться. Шубин кивнул и вернул акт Сергиенко.

Повисла секундная пауза. Олег решил не испытывать терпение предков и тихо удалился.

– Я домой поехал – он встал и направился к двери. Чекист молча отодвинулся, пропуская Олега. – Телефон есть, звоните если что.

Он вышел из купе, прикрыл дверь и сразу завернул направо, к выходу. Из вагона он прямо-таки выскочил и быстрым шагом направился к машине. Предыдущий опыт общения с 'силовиками' двадцать первого века призывал его свалить от них как можно быстрее. Гражданский долг выполнил? Выполнил, поезд под откос не упал. Что ещё надо? Об остальном пускай другие, специально обученные люди, заботятся, а у него дела. Не хватало ещё в воскресенье, переться в Белгородское НКВД, показания давать. Он представил себе эту сцену и тихонько засмеялся. Чекисты должны столбенеть после каждого его ответа на вопрос о роде занятий, месте жительства, и особенно, гражданстве. 'Да, вот приколы. Хотя, на самом деле, не так уж и смешно. Я уже лет на десять без права переписки наболтал, а если приплюсовать принадлежность, как там, в старом учебнике истории было? А, к классу эксплуататоров, кровопийц трудового народа. Расстрел сегодня я себе точно заработал'. От этой мысли ему вдруг стало как-то не по себе. 'Да ну, что за хрень в голову лезет? Расстрелы, тройки, указ семь-восемь. Им всем уже сегодня не до меня станет. С самими собой бы разобраться. Вот узнает, например, товарищ Берия, что товарищ Жуков ему вовсе не товарищ, а совсем наоборот. В пятьдесят третьем взял и приказал его, Берию, замочить. Практически дома и в кругу семьи, а потом в мемуарах гордо писал, что ещё с тридцатых подозревал о бериевской антипартийной и прочей ориентации. Вот им весело будет'.

Настроение от этой мысли пришло в норму. Он достал сотовый и сообщил Сергею, что аварийный поезд из Белгорода скоро будет, и кратко обрисовал сложившуюся ситуацию. Разговаривая, он уже почти дошёл до машины, как ему навстречу из-за кустов акации выскочил Витка в компании ещё двух похожих на него пацанов помладше, так же босых и одетых в портки на лямках.

– Дядя, а моим братьям можно машину посмотреть? – с надеждой спросил мальчик.

– А ты всех коз поймал? – улыбаясь, спросил Олег, укладывая телефон в ременную сумочку. Радость этого мальчишки была такой искренней, что передалась ему даже сквозь броню житейского цинизма.

– Да, вот они, за забором пасутся – Витка показал на забор крайней избы, через щели которого мелькали козы рога и спины, – я их верёвочкой связал, чтобы огород не потравили.

– Тогда пошли – Олег в компании мальчишек подошёл к машине.

Открыв водительскую дверь, он предложил пацанам:

– Времени у меня мало, давайте я вас до вокзала прокачу. Идёт?

Дети радостно загалдели.

– Тогда садитесь – Олег распахнул левую заднюю дверь

Ребятишки расселись на заднем сиденье, восторженно крутя головами во все стороны. Олег вывернул из кармана и медленно, практически не касаясь педали газа, поехал в сторону вокзала.

– Приехали – сказал он, когда 'Логан' выехал на привокзальную площадь – автобус дальше не идёт.

Он выпустил детишек из машины и долго смотрел им вслед, когда они бежали к своему дому. Что-то странное шевельнулось у него в душе, то ли сожаление о проходящих мимо

годах, то ли ожидание какого-то изменения в жизни, то ли ... 'Детей у меня нет, вот что. Скоро тридцатник, а всё холостяк. Женится пора, да. А не на кем. Одни тёлки да лярвы по жизни попадались. Нике, что ли предложить за меня замуж выйти?' Он хотел было посмеяться над этой абсурдной мыслью, ведь он с ней даже не переспал, но почему-то задумался. Вспомнил, как она смотрела на него, когда очнулась и ещё раньше, только это длилось мгновение, когда он открыл глаза в машине. 'Ну, это же ненормально! Любовь с первого взгляда только в кино и в сериалах можно увидеть, по жизни такое невозможно! Не расслабляйся! И вообще – отвезти её в Харьков, а там видно будет'. С этой здравой мыслью он вернулся за руль и поехал за Вероникой.

Уже подрулив к воротам, он запоздало вспомнил о Фёдоре. Посмотрев на часы, решил, что беспокоится не о чем – прадед Вероники скоро вернётся домой. До восьми утра, с учётом лишнего часа, осталось пятнадцать минут. Что бы дальше не путаться он перевёл часы в машине и на сотовом на час назад.

Подойдя к воротам, Олег собрался постучать, но входная дверь распахнулась и к нему выбежала Вероника.

– Что ты так долго? Мы уже Полину за тобой отправили – еле скрывая волнение, в едином порыве сказала она.

Олег по привычке хотел, было, возмутиться 'А тебе какое дело?' но волнение девушки было таким неподдельным, что ему захотелось не сказать ей колкость, а прижать к груди и приласкать. Сдержавшись, он улыбнулся и сказал успокаивающе:

– Пока на место аварии съездили, пока все бумаги оформили. Бюрократия она и в СССР была. Без актов и прочего такие дела не делаются, сама понимаешь. Всё нормально.

Девушка заметно повеселела.

– А мы завтрак готовим, пошли, поешь, – она отодвинулась в сторону, пропуская Олега. Проходя мимо, он снова попал в чарующую лавандовую ауру. 'Вот ведь, надушилась' пронеслась в голове благодущная мысль, 'прямо-таки приворотное зелье. Посмотрим-посмотрим, чем это закончится'.

– Подожди, я машину загоню – Олег отодвинул заскрипевший засов и распахнул ворота. Оставлять машину на улице не хотелось. Заехав во двор и заперев створки, он зашёл в дом.

На кухне, так, скорее всего можно было назвать эту часть дома, было уже почти всё готово. В центре стола расположилось глиняное блюдо с дымящейся горкой варёной картошки, вокруг неё, спутниками, в мисках поменьше лежали солёные огурчики, грибы и тонко нарезанное сало. Рядом, на тарелке сложены ломти ржаного хлеба. В печке потрескивали поленья, намекая на скорую готовку ещё чего-то.

– Самовар сейчас Антонина принесёт – сказала Вероника, доставая из буфета фарфоровые тарелки и металлические кружки, ложки и вилки.

– Откуда такая красота? – Олег удивлённо рассматривал тонкий фарфор, расписанный пейзажами и жанровыми сценками дореволюционной России.

– Антонинино приданое – ответила Вероника, раскладывая тарелки с ложками и вилками.

– Фёдор говорил – Олег подцепил вилкой белый гриб – что матери Антонины ничего не досталось – он прожевал гриб – вкуснота! Никаких добавок, всё натуральное.

– Она потом собрала – Вероника скептически оглядела стол, чего-то ей явно на нём не хватало – что в имении осталось после революции и гражданской войны.

– Где? – Олегу показалось, что он ослышался.

– Мама Антонины, Елизавета Павловна Пашина, происходит из древнего рода. Её предки жили в Новгороде Великом, на тех землях, где Петербург сейчас. Как они сюда попали, баба

Поля не рассказывала, но живут они тут уже с начала девятнадцатого века. Может, яичницу сделать?

– На шкварках? – у Олега даже слюнки потекли – давай.

Вероника взяла с печки металлическую миску и вышла во двор. 'Эта птаха, оказывается, наверняка дворянка. По древности рода может Рюриковичей переплюнуть. Голубая кровь, вот это да. С такими особами я ещё романов не закручивал'. Одно смущало Олега – как-то не вязалось благородное происхождение с окружающей его обстановкой. Хотя, наверное, это всё-таки лучше, чем, будучи Великим Князем, в Париже таксистом подрабатывать. О таких случаях ему доводилось читать, а здесь, как ни крути, Родина.

Вероника вернулась с миской, полной яиц. Достала откуда-то из-за печки чугунную сковородку, быстро отрезала от шмата сала несколько приличных размера ломтиков, нашинковала их на доске и сбросила в сковородку. Минуты через три вкусно запахло и заскворчало. Несколько раз перемешав шкварки деревянной лопаточкой, Вероника стала ножом разбивать яйца.

Пока она всё это делала, Олег воспользовался случаем внимательно её рассмотреть. Почти на голову ниже, но длина ног такая же, как у него. Затянутые в джинсы приятно округлые бёдра и попа круто, без единой складки, переходили в достаточно узкую талию и выше немного расходились в покатые плечи, увенчанные рыжеволосой головкой на длинной шее. Руки тонкие, как ветки. Грудь её не блистала размерами Андерсон и Семенович, но форму имела устойчиво-полусферическую, даже без бюстгалтера, и на взгляд вполне могла уместиться в его ладони. Животик совсем немножко выпирает, но зато без так нелюбимого Олегом пирсинга. В принципе, ничего экстраординарного, Олег видел и был близко, хм, знаком с девушками поэффектнее Вероники. Но что-то в ней было, такое, что Олег ещё не встречал у других представительниц прекрасного пола. Притягивающее к себе как магнит. Даже сейчас, краешком мозга, Олег отметил про себя, что ему приятно на неё смотреть. Просто смотреть, без всяких мыслей о сексе. В этом было что-то такое для него непривычное и как ему показалось, ненормальное, что Олег решил возобновить разговор.

– Вероника – он впервые назвал её по имени, она, стоя у печки, развернулась к нему лицом – как же твоя прабабка из дворянок вот сюда попала?

– Дворянка – Вероника грустно усмехнулась, положила лопатку в пустую миску – когда её мама замуж выходила, от дворянства только один титул остался. Денег нет, одни долги, земли почти все распродали, имение. ... Хотя какое там имение, у многих сейчас под Харьковом коттеджи круче, заложено-перезаложено. Всё было так, как в 'Вишнёвом саду' написано – дворяне разорились и всё отдали капиталистам. Пришлось Елизавете Павловне за Прохора, купеческого наследника, замуж выходить.

– Так она не по любви замуж вышла? – уже догадываясь о дальнейшем развитии событий, спросил Олег.

– Нет, конечно. Но мужу своему была верна! – горячо воскликнула Вероника, заметив ироничный блеск в глазах Олега – если бы он ей изменять, не стал, ни за что бы не развелась!

'Ну, понеслось. Для баб, наверное, нет темы слаще, как бывшего мужа грязью уляпать. Даже если это бывший муж прапрабабки'. От дальнейшей дискуссии на скользкую тему Олегу помогла уклониться уже готовая яичница и Антонина, внесшая на кухню самовар.

– А дети ещё спят? – спросил Олег Антонину – мы их не разбудим?

– Они проснулись – Антонина установила самовар на стол – в горнице играют.

Действительно, через занавеску доносилось негромкое бряканье и шуршание, были слышны тихие детские голоса – 'Кукла поехала в гости на поезде. Ту-ту. Максимка, куда ты семафор спрятал?' Пока женщины раскладывали яичницу и разливали чай, Олег подошёл к занавескам и посмотрел в щелочку. Дети играли – катали куклу на поезде. Но что это были

за игрушки! Поезд состоял из набора деревянных брусочков на деревянных же колёсах, кукла была такая же самодельная – сшита из лоскутков.

– Да, трудное детство, деревянные игрушки – пробормотал Олег, возвращаясь за стол.

– А где другие взять? – Антонина удивлённо посмотрела на него – мы сами с отцом их сделали.

– В магазине – автоматически ответил Олег и вдруг шальная мысль пришла ему в голову – а давайте в Октябрьский съездим! Детям игрушки купим. Там много что интересного в магазинах есть.

– Давайте! – Веронике эта мысль явно понравилась – Тоня – она обратилась к своей прабабке – поехали, гостинцев привезём!

– Да как-то неудобно – Антонина вытерла руки полотенцем – что Фёдор Кузьмич скажет.

– А мы с ним поедem, он ведь сейчас с работы придёт – не отстала от неё Вероника – а с детьми Полина посидит, не маленькая. Детям гостинцев куплю, а вы посмотрите, как в будущем живут. Давай, Тоня, соглашайся!

– Фёдор Кузьмич придёт, там и решим – уклонилась от ответа Антонина – давайте завтракать.

Они расселись вокруг стола. Олег у входа с улицы, Вероника у буфета, Антонина села напротив окна. Олег хотел, было спросить, ели ли дети, но решил что хозяевам виднее. Может, не принято им с гостями завтракать.

– Вкусно – Олег лихо расправился с яичницей одной вилкой. Подумал и положил ещё четыре картофелины – с грибами самое то!

– Полина собирала – Антонина, и Вероника аккуратно ели яичницу с помощью ножа и вилки. Олегу стало немного стыдно – в том году она с подружками много грибов собрала.

В то, что одиннадцатилетнюю девчушку, даже с подругами, родители могут спокойно отпустить по грибы, Олегу верилось с трудом. Но факт, как говорится, был на столе.

Закончив завтрак, Олег поднялся и, поблагодарив женщин за вкусную еду, отправился во двор. Надо было вымыть машину и пропылесосить салон. Вытащив коврики из салона и багажника, Олег стал искать какое-нибудь ведро.

– Антонина – спросил Олег вышедшую из дома прабабку Вероники со стопкой грязной посуды в руках – где ведро и воду можно взять?

– Вода в колодце, за домом. Ведро сейчас возьму, идите за мной.

Она завернула за дом и поставила посуду на грубо сколоченный деревянный столик. Действительно, в промежутке между домом и баней в левом дальнем от ворот углу двора обнаружился колодец, закрытый деревянной крышей – домиком. Из торца крыши в сторону бани торчала большая изогнутая ручка.

– Пойдёмте – Антонина пошла в сторону сараев, занимавших всю правую часть двора от ворот до начала огорода за баней. Олег пошел за ней следом. 'Ничего себе бабушка, неплохо сохранилась' – подумал Олег, окидывая её взглядом – 'моего возраста, троих детей родила, а фигура ещё о-го-го!' Действительно, хотя сквозь ткань подробностей видно не было, но Олег сделал такой вывод по плавной, текучей походке и отсутствию лишних сотрясений на сарафане.

– Возьмите – Антонина открыла дверь из некрашенных досок и буквально из-за стены, не заходя, достала слегка ржавое ведро.

– Годится – Олег взял ведро и пошёл к колодцу.

Скрипнула входная дверь и во двор вбежала Полина, сразу заскочившая в дом, следом степенно вошёл Фёдор. Антонина бросилась к нему, обняла, и начала что-то шёпотом спрашивать. Он также негромко ей отвечал, быстро отстранив от себя. Поговорив, супруги подошли к Олегу, уже переливающему в ведро холодную воду. Он подумал, что разговор зайдёт о предстоящей поездке, но Фёдор вместо этого спросил о другом, более важном для него деле.

– Что ты уполномоченному рассказал?

Олег внимательно смотрел на железнодорожника. Хотя он пытался выглядеть спокойно, но сквозь эту маску отчетливо проступала нешуточная тревога. Фёдор непрерывно перебирал пальцами левой руки, заметив взгляд Олега, завёл ладонь за спину. Несколько секунд Олег прикидывал разные варианты ответа и выбрал самый, на его взгляд, подходящий:

– Про тебя – ничего!

Железнодорожника, как говорится, 'отпустило'. Он шумно выдохнул и скупно жестикулируя, стал рассказывать Олегу, что было после его отъезда.

– Шубин этот, вцепился в меня как клещ. Всё вызнал, кто ты и откуда взялся. Я ему говорю – постучался ты, мол, в окно. Я вышел, ты говоришь, что рельсы дальше разобраны, сам видел. На маленькой кинокамере это показал, что б, значит, я поверил. К машине своей сводил, вот. А кто ты и откуда не сказал, всё крушение предотвратить пытался.

– Протокол составил? – уточнил Олег, запомнив сказанную Фёдором легенду.

– Не успел. Начальник поезда приказал немедленно в Белгород возвращаться. Пока паровоз перецепляли, он со мной разговаривал. Потом поезд в Белгород ушёл. Минут пять-десять, не больше. Всё за мной бегал, пока я стрелки переводил.

'Молодец, Сергиенко' – с уважением подумал Олег – 'коллегу от чекиста прикрыл, а мог сдать. Вот тебе и всесильная гэбня'

Антонина, поначалу обеспокоено стоявшая за мужем, удалилась мыть посуду. Олег подхватил ведро и пошёл к машине. Фёдор двинулся за ним.

– Слушай, есть предложение – сказал Олег, доставая из кармана в боковине багажника флакон автошампуня – съездить в Октябрьский. Несколько километров проехал и попал к нам, в будущее. Там в магазинах всякого барахла навалом. Подарки детям купить, да и вам, по хозяйству что-нибудь.

Фёдор задумался. Перспектива была заманчивая, только ...

– Чем мы платить будем? Наши деньги у вас брать не будут.

– Есть одна схема – Олег заговорщицки подмигнул Фёдору и понизил голос до шёпота – червонцы найдёшь?

– Какие червонцы? – также шёпотом ответил Фёдор, немного отшатнувшись

– Да не ломайся ты – Олег вылил колпачок шампуня в ведро, вынул из того же кармана поролоновую губку. Присел на корточки перед ведром, стал размешивать – надо всего один червонец. Я у тебя его куплю. За пять с половиной тысяч российских рублей. Деньги у меня есть.

Олег не пытался надуть Фёдора. Неудобно ему было это делать – узнает Вероника, что скажет? Червонец он брал практически по той цене, что мог выручить, загнав монету знакомому скупщику золота. Так, процентов пять 'за комиссию', не больше.

Фёдор задумался. 'Аж фуражка шевелиться' – начав мыть крышу, подумал Олег. Когда Олег закончил с верхом машины, Фёдор решился.

– Поехали!

– Ну, ты прямо Гагарин! – Олег рассмеялся – первый выход советского человека в чуждое ему пространство!

– Не понял? – насторожился Фёдор

– Шутка, Фёдор. Киргуду. Ладно, я машину доую, а вы пока собирайтесь.

В том, что у Лапиных есть золотишко, Олег нисколько не сомневался. Как минимум от дворянско-купеческих предков Антонины должно несколько червонцев остаться. Да и Фёдор не выглядел совсем уж пролетарием. Его дореволюционный папа был как минимум, небедным человеком. Как из книг и Интернета знал Олег, железнодорожники при царе были эдаким 'средним классом' Российской империи, под её закат коллективно возжелавшим странного. 'Что им, денег мало было?' – думал Олег, успев ещё два раза сходить к колодцу за водой и теперь моющего коврики. 'Жили себе нормально, получку в золоте получали. Каждый мог

свободно ствол купить, самой продвинутой техникой управляли, уважаемые люди были. Нет, надо было в губревком пойти, соввласть устанавливать. Пассионарий хренов'. От общей философии Олег перешел на личность прапрадеда Вероники. Достал автомобильный пылесос, подключил к прикуривателю. 'На бронепоезде всю Россию изъездил, ради счастья трудящихся дофига народу поубивал. Лично в том числе. А чем всё закончилось? Сын революционера едет за детскими игрушками к буржуям, ренегатам и предателям дела социализма. Судьба-с' На дореволюционный манер завершил мысль Олег, закончив с мытьём и уборкой. Из дома так никто и не вышел.

Олег успел отнести ведро обратно в сарай, стряхнуть воду с ковриков и поставить их у сарая подсыхать. Развернул машину капотом к воротам, распахнул двери, что бы салон не нагрелся. Проверил уровень масла в двигателе. Положил коврики обратно в машину. Достал компрессор и подкачал колёса, умылся сам. 'Пора хозяев побеспокоить' подумал он, вытирая руки висевшим около умывальника, на стене бани, льняным полотенцем, но ждать ему больше не пришлось. На крыльцо вышли все Лапины – настоящие и будущая. Или настоящая и прошлые – Олег так и не решил, кого и откуда отсчитывать.

– Мы все поедem – заявила Вероника. Олег только глазами хлопал, разглядывая удивительную семейку. Такого он не ожидал.

Вероника и Фёдор остались в том виде, к которому уже привык Олег. Антонину с детьми он узнал не сразу. Хозяйка дома была одета в платье по фигуре глубокого синего цвета, почти до земли, с длинными рукавами, заканчивающимися чем-то вроде белых кружев, вырез на груди закрыт как бы волнами из белой ткани, с опять-таки кружевной отделкой. Мальчик щеголял матросским костюмом, немного большим, но от этого не выглядевшим менее стильно. На младшей дочери было длинное нежно-розовое платье без рукавов, украшенное множеством воланчиков и прочих фестончиков, Полина же была одета в уменьшенную копию платья матери, но светло-голубого оттенка. Самое главное, на дамах – только так их можно было назвать! – не было платков, и в свете уже высоко вставшего солнца Олег увидел, что у каждой была своя причёска, а не банально скрученная коса. 'Да они все немного рыжие, оттенком отличаются, только у парня волосы отцовские. А это что? Ничего себе, крестьяне' Только сейчас Олег заметил золотые серьги с белыми камешками в ушах Антонины и золотую же заколку в волосах Полины.

– Поражён и восхищён – Олег прижал правую руку к груди – прошу – он сделал широкий жест левой рукой в сторону машины. Дети сбежали с крыльца, Фёдор подал руку жене и вместе с ней спустился на траву. Вероника, победно улыбаясь, подошла к Олегу.

– Отпад – прошептал он – ты постаралась?

– Убедила – так же негромко ответила она – это всё дореволюционное, мама Антонины заказывала. А она сберегла и перешила, всё думала пригодиться, вот, пригодилось.

Лапины размещались на заднем сиденье. Антонина справа, Полина в центре, младшая дочь на коленях матери, Максимка за Олегом. Фёдор сказал, что он будет закрывать дом и сарай с баней. Пока он это делал, Олег сдвинул немного вперёд передние сиденья, что бы сзади было попросторней. Фёдор тем временем распахнул ворота, Олег закрыл двери машины и выехал на дорогу. Ждущая его на улице Вероника уселась спереди. Фёдор закрыл ворота и так же устроился на заднем сиденье, взяв сына на руки.

– Поехали – повторил Олег знаменитое слово, включил кондиционер и вырулил на ведущую вверх от Долбино дорогу.

Поднявшись с низины на поле, Олег добавил газу, плавно покачиваясь, машина весело понеслась навстречу будущему.

– Включи радио – попросила его Вероника.

– Думаешь, будет работать? – с сомнением спросил Олег, надавив на 'крутилку' регулятора громкости. В ответ из колонок донеслось тихое шипение.

Он стал перебирать все записанные в память аппарата станции, убедившись в отсутствии сигнала, переключил магнитола на другой ФМ-диапазон. Но и там ничего не смог поймать. На средних волнах так же было пусто и глухо. Перезаписанный сидюк остался дома, слушать было совершенно нечего.

– У меня диск есть, эмпэ-три. Играть будет? – спросила Вероника

– Будет, куда он денется. Вставляй.

Вероника достала из сумочки коробку с компакт-диском, раскрыла её, аккуратно вытаскивала диск с горячими хитами лета-2008. Вставила в загрузочную щель, магнитола, урча, загрузила компакт. Через мгновение из всех четырёх динамиков негромко полились последние достижения российской попсы.

– Какая интересная песня – сказала сзади Полина – у вас в будущем все песни такие?

Олег хмыкнул.

– Не все. Это попса – он бросил взгляд на Веронику, она при этих словах скептически улыбнулась – эстрада, по-вашему. Ну, что-то вроде Утёсова и ... – он попытался вспомнить ещё кого-нибудь из довоенных кумиров, но не смог – кино есть, где музыканты в Москву добираются, на колёсном пароходе, артистка там ещё песни поёт.

– Любовь Орлова – хором сказали Полина и Вероника. Полина с восхищением, Вероника с лёгкой укоризной.

– Ага – Олег крутанул руль, объезжая небольшую промоину, дорога поворачивала направо – только до Орловой с Утёсовым нашим эстрадным деятелям как до Луны пешком. Сами они петь не умеют, всё на фонограммах и видеоклипах выезжают.

Полина, скорее всего ничего не поняла из объяснений Олега, но вопросов больше не задавала, внимательно вслушиваясь в слова каждой песни.

До бывшей федеральной трассы оставались считанные сотни метров, как Олег заметилдвигающееся по ней справа налево облако пыли. Приглядевшись, он опознал в виновнике этой 'пылевой бури' большой автовоз, упорно ехавший по грунтовке в сторону Белгорода. 'Вот дурак-то' подумал Олег в адрес водителя 'куда прётся? Видит, что дорога пропала, но всё равно едет. Пока НКВД не остановит' Он несколько раз мигнул фарами, но водитель автовоза с 'Ланосами' упрямо двигался навстречу своей судьбе. Он проехал метрах в пятидесяти от Олега, не среагировав на предупредительные сигналы.

– Не холодно? – спросил Олег, включив рециркуляцию воздуха. Они уже подъехали к висевшему над главной грунтовкой облаку коричневой пыли.

– Нет – ответил Фёдор.

– По ножкам дует – пожаловалась Леночка. Олег быстро перевёл поток прохладного воздуха на лобовое стекло.

– Нормально? – спросил он, выворачивая машину направо, на основную дорогу.

– Да – ответила Антонина, прошептав перед этим что-то младшей дочери на ухо.

Они проехали сквозь пылевое облако с включёнными фарами, метрах в двухстах от поворота Олег выключил габариты и, пробормотав 'зря машину мыл, вся запылилась' окатил ветровое стекло водой и несколькими взмахами дворников разогнал осевшую пыль.

До 'границы времён' им больше никто навстречу не попадался, пассажиры ехали молча, слушая негромкую музыку. Олег отключил рециркуляцию и в машину втёк запах летнего дня – разогретой земли, травы, ещё не знающей удобрений и дефолиантов, лёгкий аромат полевых цветов.

– Вот оно – сказал Олег, когда вдаль показалась тёмно-серая лента асфальта, безжалостно обрезанная неведомым властелином времени. На краю обреза, на удивление Олега не было ни машин ГАИ, ни столпотворения фур и легковушек, ничего и никого. Они медленно проехали

мимо, не встретив никакого противодействия. Олег почувствовал забытое чувство возвращения домой. Давным-давно, в дошкольном детстве он первый раз приехал из крымского санатория, в котором пробыл с мамой два летних месяца, и такие обычные Харьковские улицы и дома показались ему необъяснимо прекрасными и родными.

– Ой, что там? – спросила Полина, указывая рукой на что-то далеко впереди.

Олег отключился от воспоминаний и внимательно посмотрел. В нескольких сотнях метрах впереди был виден съехавший под откос полуприцеп. Самого тягача видно не было – он был скрыт небольшим подъемом дороги.

– Сейчас узнаем – Олег по своим следам, укатанных автовозом, поднялся на пустую дорогу и, не спеша, поехал в сторону аварии.

Выехав на бугор, он увидел растянувшуюся на сотни метров пробку из десятков грузовиков, легковушек и автобусов. Вся полосы автодороги были перекрыты развернувшимися фурами. Одна из них, по встречной полосе наполовину съехала с дороги, другая, на полосе Олега, от падения под откос удержалась, но так же перекрыла всё движение, развернувшись поперёк дороги. А между ними был виден край лежащего на боку небольшого грузовика и стоящую рядом машину ГАИ с включённой мигалкой.

Они подъехали к месту аварии, объехав стоявший на дороге 'Вольво', и Олег чуть не присвистнул от удивления. На боку лежала полуторка с довоенными номерами, опрокинутая ударом 'Катерпиллера'. По дороге были разбросаны какие-то железяки, высыпавшие из разбитых деревянных ящиков. Единственный оставшийся свободный проезд перекрыла машина гаишников, с озабоченным видом составляющих схему дорожного происшествия.

Олег остановился, вышел из машины, не заглушив двигатель.

– Не проехать? – обратился он к молодому лейтенанту, сматывающему длинную рулетку.

– Сейчас закончим, и можете проезжать – ответил он и с удивлением спросил – вы от Белгорода едете?

– Почти – не стал конкретизировать Олег

– Странно, с той стороны проехали только вы и этот дурик на угнанной машине – он показал рукой на разбитую полуторку – больше никого не было.

– А с ним что? – спросил Олег, уводя разговор от опасной темы.

– 'Скорая' увезла, перелом ноги и сильное сотрясение головного мозга. Умом тронулся парень, всё твердил, что на сахарный завод везёт оборудование, без которого пятилетний план не сделать. Документов нет, всё какие-то бумажки советского образца предъявлял, – взгляд гаишника посерьёзней – а ваши документы в порядке?

Олег достал из портмоне права и документы на машину. Милиционер мельком их просмотрел и, не обнаружив ничего противоправного, вернул их Олегу.

– Домой едете? – спросил он, имея в виду Харьков.

– Пока нет – ответил Олег и, поколебавшись, сказал – там дальше, в сторону Белгорода, дорога разрушена.

Гаишник окинул его цепким взглядом

– Мы знаем, из МЧС проинформировали. Здесь закончим, туда поедem. Вы откуда едете?

– Из Долбино – с чистым сердцем ответил Олег.

Лейтенант секунду подумал и спросил

– Там всё нормально?

– Света нет – почти честно ответил Олег – и связи то же.

– У нас свет недавно дали – ответил лейтенант – а вот со связью. ... Куда едешь! Назад, кому говорю назад! – заорал он на водителя нового 'Форда-Мондео', попытавшегося проехать между полуторкой и 'Волгой'. Тёмно-синий 'Форд' остановился, но назад не сдавал. Лейтенант, размахивая руками, подошёл к нахальному водителю и повторил своё указание. 'Форд' медленно отъехал, освободив проход. Олег вернулся к своей машине.

– Что там? – спросила Вероника.

– Полуторка в дребезги, водителя увезли в больницу – сказал Олег, пристёгиваясь. Вероника так же пристегнулась. Стоявшая справа 'Вольво' взревела двигателем и коротко просигналила. Олег медленно сдал назад и вырулил на свою полосу, 'Вольво' в несколько попыток вывернула налево и проехав несколько метров, остановилась на обочине перед 'Катерпиллером'. Правая полоса была свободна. Олег не торопясь поехал в сторону Октябрьского, давая возможность своим пассажирам рассмотреть стоящие слева достижения отечественного и иностранного автопрома.

Олег решил заехать в Октябрьский с первого поворота – бензина осталось почти полбака, но он решил залить ещё литров двадцать. Недалеко от трассы располагалась Лукойловская АЗС с вполне качественным бензином. Сколько раз Олег там не заправлялся, 'бодягу' в бак не заливали.

Подрулив к колонке, он вышел из машины, отдал деньги заправщику в фирменной униформе.

– Двадцать девяносто второго – пока заправщик бегал до кассы и обратно, он открыл ключом крышку бензобака. Потянулся, осматривая окрестности. Кроме них на АЗС не было никого.

– Пожалуйста – залив бензин, паренёк вытащил пистолет из бака. Олег вернул крышку на место, спросил заправщика.

– В посёлке есть супермаркет? – честно говоря, он не надеялся на наличие такой формы торговли в посёлке с населением меньше десяти тысяч человек, но ходить с Лапиными по обычным магазинам ему не сильно хотелось. Внешний вид супружеской четы мог привлечь лишнее внимание, а в супермаркете и не таких туристов могли видеть.

– Да, в торговом центре у вокзала, езжайте всё время прямо, доедете до светофора, поверните направо. Там не заблудитесь.

– Спасибо – Олег вернулся в машину.

Вырулив с АЗС, они не спеша покатали в сторону первых домов посёлка. Олегу до этого не приходилось бывать в этом населённом пункте, но даже первые дома производили впечатление. Аккуратные коттеджи из красного или силикатного кирпича, на одну или две семьи. Практически на каждом доме установлена спутниковая антенна, на обочинах попадались припаркованные машины, сплошь иномарки с редким вкраплением 'Калин' и 'Лад'. Труженики таможни и пограничники жили явно не бедно.

– Не узнать Воскресеновку – нарушила молчание Антонина.

– Это старое название Октябрьского? – уточнил Олег.

– Да – ответила Антонина, жадно высматривая подробности будущей жизни.

Олег посмотрел в зеркало заднего вида и заметил, что Фёдор с сыном практически 'прилипли' к стеклу. Если мальчика привлекали стоящие у обочин машины, то Фёдор наверняка не мог оторваться от разглядывания проходящих мимо молоденьких девушек и женщин, спешивших и спокойно прогуливающих. 'Да, вот это удар' внутренне улыбаясь, подумал Олег 'по меркам тридцатых современная летняя женская одежда – стопроцентная аморалка. Хотя, если вспомнить физкультурные парады в Москве, ничего необычного в этом нет. Конечно, где Москва и где Долбино. Дистанция огромного размера'.

Они доехали до светофора, Олег повернул направо и буквально через пару домов увидел двухэтажное здание супермаркета с вывеской 'Эльдорадо' на фронтоне. Подъехав, Олег зарулил на стоянку перед магазином рядом с одиноко стоящим седаном 'Форд-Фокус II' радикально чёрного цвета.

– Приехали – он заглушил двигатель и отстегнул ремень. Вероника вышла из машины, открыла заднюю дверь и помогла выйти Леночке. Антонина с Полиной выбрались самостоятельно.

– Олег, держи – Фёдор протянул ему завёрнутый в тряпицу червонец, Максимка уже выскочил из машины и подбежал к матери и сёстрам. Олег развернул толстую ткань, полюбовался на профиль Николашки и, завернув монету обратно, спрятал её во внутренний кармашек ветровки. Достав портмоне, он отсчитал одиннадцать российских пятисоток, полуразвернувшись на сиденье, протянул их Фёдору.

– Пять тысяч пятьсот – Фёдор взял деньги, рассмотрел их со всех сторон, прежде чем убрать в накладной карман френча. Они вышли из машины.

– С чего начнём? – спросил Олег – с подарков или для хозяйства что-нибудь купим?

– Может, сначала посмотрите, а там решите, что покупать? – вмешалась Вероника.

Дети молчали, поглядывая на родителей. Антонина посмотрела на Фёдора.

– Давайте посмотрим – решил глава семьи.

– Тогда пошли в 'Эльдорадо'. На экскурсию – Олег двинулся к левому входу. Предки и Вероника пошли за ним.

В советские времена это был стандартный двухэтажный магазин. Продукты на первом этаже, хозтовары с отдельным входом слева на втором. Современность внесла свои коррективы в этот храм советской торговли. Сейчас здание блистало сплошным стеклянным фасадом, на закрытых панелях внутренних стен висели разнообразные призывы покупать что-нибудь задешево, только здесь и только сейчас. Поднявшись в прохладу второго этажа, они вошли в торговый зал 'Эльдорадо'.

– Вот, всё это используется у нас в быту – Олег пошёл мимо полок, быстро отвадив подскочившего консультанта – телевизоры, телефоны, в том числе сотовые, вот это – он подошёл к полке с пылесосами – незаменимая для уборки дома вещь. Засасывает пыль, не надо махать веником.

– Где дети?! – забеспокоилась Антонина, не обнаружив их рядом с собой. Олег вышел в центральный проход, посмотрел.

– Они у телевизоров, мультики смотрят – действительно, Лапины-младшие стояли в отделе плазм и ЖК-панелей и увлечённо сопереживали приключениям Тома и Джерри, – пускай там будут, а мы пока остальное посмотрим.

Они ходили между полок более получаса, рассматривая и трогая достижения бытового прогресса. Продавец-консультант их больше не беспокоил, но девушка на кассе не отводила глаз от одежды ранних покупателей, видимо, такое ей наблюдать, ещё не доводилось.

Когда они добрались до холодильников и стиральных машин, Фёдор задал Олегу простой вопрос, поставивший его в тупик:

– Олег, эта замечательная техника – он положил ладонь на гладкую крышку стиральной машины-автомата, очень понравившуюся Антонине – у нас будет работать?

Олег замер. Действительно, в какую розетку будет втыкать Антонина шнур вот этого 'Индезита'? Куда Фёдор прикрутит шланг подачи воды? Он растерянно развёл руками

– У Вас это работать не будет. Нужно электричество и водопровод.

– А что-нибудь здесь – Фёдор обвёл рукой зал – будет без электричества работать? – Только то, что на батарейках. Телефоны, фонарики, радио.

– А если батареек не будет? – гнул свою линию Фёдор.

– Тогда ничего – ответил Олег, чувствуя, что начинает краснеть. Ему вдруг стало ужасно неудобно перед этими людьми, за то, что он затащил их сюда, где лежат горы красивых, очень практичных, но бесполезных для них вещей. Как будто пообещал что-то и не сдержал своё слово.

– Жаль – сказал Фёдор, развернулся и пошёл к выходу. Антонина оторвала детей от телеэкрана и пошла за ним следом. Вероника подошла к Олегу.

– Вот блин, не подумал – растерянно сказал он, двинувшись к кассе – действительно, для них всё это бесполезно, зря зашли.

Вероника молча шла рядом, искоса поглядывая на Олега. Он обшаривал взглядом полки, стараясь найти хоть что-то 'довоеннопригодное'.

– Есть – сказал Олег, высмотрев что-то. Он шагнул к стенду с фонариками и с самого низа вытащил небольшой фонарь в прозрачном пластиковом корпусе. Покопавшись на полке, нашёл ещё один такой же.

– Что это? – спросила Вероника.

– Вечный фонарь – ответил подскочивший продавец – стоит его недолго потрясти, он будет светить около десяти минут. Используется эффект Фарадея. Не бьётся, корпус герметичный, можно использовать под водой. Светодиоды практически вечные. Давайте проверим – он начал трясти фонарь, через минуту надавил на выключатель. Под защитным стеклом ярко засветились пять белых светодиодов.

Олег оплатил покупку, вышел к лестнице, протянул фонари, уложенные в фирменный полиэтиленовый пакет, Фёдору.

– Есть, всё-таки, у нас что-то полезное. Это от меня, подарок.

– Спасибо – Фёдор принял пакет – они действительно вечные? Молодой человек так их расхваливал.

– Если ты ими гвозди забивать не будешь, лет десять проработают.

Пока они разговаривали, к Антонине подошла кассир, о чём-то спросила. Услышав ответ, она тихо охнула и медленно вернулась на своё рабочее место.

Уже выйдя на улицу, Фёдор спросил жену, что так поразило девушку в короткой клетчатой юбке до коленей.

– Она спросила, где я покупала платья.

– Где же? – полюбопытствовал Олег.

– Они вручную сшиты портным на заказ – гордо ответила Антонина.

Олег посмотрел на Веронику, словно спрашивая подтверждения. Она улыбнулась, подошла поближе.

– Сегодня не каждая женщина может себе это позволить – она пошла рядышком с ним, слегка наклонив голову и постреливая глазками по сторонам. Только через несколько шагов Олег догадался взять Нику за руку, спрятав её маленькую ладошку в своей. Вероника слегка расправила плечи, и гордо подняв голову, зашла вместе с ним в супермаркет. Следом, пропустив вперёд детей, вошла чета Лапиных. Под ручку или нет, Олег не видел. Он не стал оборачиваться, стараясь не расплескать капли нежности, затаившиеся между ладонями. Уже у низкого турникета Вероника нехотя освободила руку и, обернувшись, сказала предкам.

– Берём корзинки – она указала на стопку красных пластиковых корзин – что понравится, складываем в них. Оплата на кассе.

Она первая взяла корзинку и вошла в торговый зал. Следом за ней сквозь турникет проскочили дети и Антонина с корзинкой. Олег, пропустил Фёдора вперёд, и уже зайдя вслед за ним, негромко спросил;

– Ты, какую водку предпочитаешь?

Не удивившись вопросу, Фёдор коротко ответил:

– Столичную.

– Тогда пошли – взяв из стопки корзину, Олег совершил резкий левый поворот и прикрывшись стеллажом с консервацией, прошёл в дальний левый угол, где заманчиво блестело и переливалось. Фёдор, периодически осматриваясь, прошёл следом.

– Мда, 'Столичной' нет – Олег по второму разу просмотрел водочные полки в поисках данной 'кристалловской' продукции – видно, уже всю выпили.

– Бывает – сказал сзади Фёдор – в Москве мы в коммерческом брали пару бутылок, там то же на полках её не было. С продавцом договаривались.

Олегу стало немного обидно за современную торговлю. Всего двадцать сортов водки на прилавке! Бесланская есть, калининградская есть, хохляцкая аж в двух конкурентных брэндах теснится – 'Хортица' и 'Немиров', 'Путинки' почти метр на полках выставлено, а 'Столичной' нет! Что за безобразие! Олег не поленился найти и притащить вслед за собой продавца-консультанта.

– Что у Вас, 'Столичной' нет? – наехал он на дежурно улыбающегося пацана, видимо, студента на подработке – торгуете всякой хренью, нашей и не нашей! Где хорошая водка в Вашем магазине?!

Парень, не переставая улыбаться – 'здорово их здесь выдрессовали' мельком подумал Олег, – предложил всегда правым покупателям:

– Специально для ценителей отличной водки у нас есть особое предложение.

Он прошёл мимо Олега к отдельной водочной стойке у окна, рядом с укрытой стеклом выставкой дорогих коньяков.

– Водка 'Финляндия' – натуральное финское качество, 'Абсолют' на ледниковой воде, итальянская граппа – он стал перечислять их достоинства, скромно умолчав о не совсем достойной цене.

– Хорошо – Олег прервал пропаганду нездорового образа жизни – из нашего, что можете предложить?

Почувяв скарედность покупателя, продавец снял с полки поллитровку 'Русского стандарта'

– Лучшее соотношение цена-качество!

– Ладно – Олег лениво махнул рукой – берём! Ноль семь есть?

– Конечно!

– Ещё её.

Как только две полные стеклотары разного калибра перекочевали в корзинку, ехидный женский голос спросил спину Олега:

– А что это Вы тут делаете? Вас даже от йогуртов слышно было.

Он слегка обернулся, увидел сзади Веронику с заполненной до краёв корзинкой. Сверху лежали пакеты с соком, две упаковки печенья, пакет с фруктами и пара больших конфетных коробок.

– Что б два раза не ходить! Верно, Фёдор?

Фёдор солидно кивнул. Следом за Вероникой подтянулась Антонина с детьми, успешными набрать газировки, йогуртов, шоколадок и несколько видов мороженого. Вид холодного лакомства вызвал у Олега приступ пессимизма.

– Мороженное в багажнике растает, на улице больше двадцати градусов! Возьмите пока немного, только съесть. Мы же ещё не всё в Октябрьском посмотрели. На обратной дороге купим!

Вероника с озабоченным видом устроила ревизию набранных продуктов, сложив скоропорт в одну корзину.

– Надо обратно отнести.

– Я отнесу, оставьте – выскочил между ними уже забытый Олегом продавец– консультант – какое вино нравится дамам? – он прошёл к винному стеллажу.

Совершенно неожиданно к нему подошла Антонина.

– Какие Рейнские вина у Вас есть?

Они начали разговаривать на данную тему. К удивлению Олега, продавец зачастую знал сей предмет как бы не хуже барышни-крестьянки. В результате короткой дискуссии Антонина отобрала два сорта вина, по паре бутылок каждого.

– Пошли на кассу? – Олег поднял с пола весьма увесистую корзину. Все вместе они отправились к выходу.

Оставив в супермаркете больше двух тысяч рублей – 'штуку сто' заплатили Лапины, ещё столько же, несмотря на отнекивание Фёдора, доложил Олег – они вышли на улицу, загрузили упакованные покупки в багажник.

– Поехали дальше? – риторически спросил Олег, усаживаясь в машину.

Все расселись по своим, местам. Дети держали в руках пластиковые стаканчики с мороженным, из которого торчали пластиковые же палочки. Полина дополнительно взяла в салон литровую бутылку с холодным апельсиновым соком.

Отъехав от магазина, они уже через пару поворотов из Октябрьского коттеджного попали в Октябрьский трёх-пятиэтажный. Неширокие улочки между домами, деревья, почти до крыш, обилие, по поселковым меркам, разумеется, пешеходов на тротуарах.

– Смотрите – Олег притормозил у пятиэтажной 'хрущёвки' на два подъезда, весь первый этаж которой был занят магазинами и аптекой – здесь наверняка что-нибудь интересное есть.

Запарковавшись у аптеки, они вышли из прохлады салона на спокойно-тёплый пока асфальт. Олег закрыл машину, ещё раз просмотрел вывески слева направо. 'Аптека, книжный, хозмаркет 'Стимул' и какие-то шмотки. Вместе нас богато'. Дети уже доели мороженное и аккуратно положили стаканчики в указанную Олегом урну.

– Давайте с хозяйственного начнём – Олег зашёл в занимающий полдома магазин.

Здесь они задержались надолго. Фёдор с Антониной буквально пересчитали каждую единицу товара, постоянно консультируясь у Олега с Вероникой. В результате Олегу пришлось дважды загружать багажник, перекладывая сделанные покупки. Два оцинкованных ведра, набор пластмассовых и оцинкованных тазиков, большой пластиковый контейнер с крышкой, в нём разместили купленные продукты, разнообразные скобяные и метизные изделия. Пара топоров, тщательно отобранных Фёдором, ванночка для стирки белья, настольный ручной сепаратор для молока, механический будильник, две эмалированных кастрюли. Свечи, инструмент россыпью (сплошь российского производства, китайский Фёдор забраковал), разнокалиберные ножи, несколько отрезков клеёнки и полиэтиленовой плёнки, клеи, пару литровых банок краски и кисточки, и многое, многое другое. Не считая купленных Антониной, на пробу, мыла и стирального порошка. Кошелёк Лапиных после посещения хозмаркета похудел почти на три тысячи рублей. Но как они были довольны!

В аптеке командовала Вероника, профессионально снабдив предков медикаментами почти на все случаи деревенской жизни и всего за семьсот рублей.

– Активные субстанции у дорогих и дешёвых лекарств обычно одинаковые – объяснила она свой выбор, – какой смысл платить больше? Этого – она приподняла почти полный целлофановый пакет – вам надолго хватит.

В книжном они купили домашний медицинский справочник, несколько книг сказок с картинками для малышей и большую энциклопедию 'Всё обо всём' для Полины. На оставшиеся деньги в отделе игрушек купили маленькую железную дорогу с машинкой для Максимки и куклу с набором игрушечной посуды для Леночки. Полина выбрала себе наручные цифровые часы и, не смотря на резонный вопрос отца 'где ты их носить будешь?' всё-таки упростила их купить. Благо они стоили всего сто семьдесят рублей.

– Уф, жарко – Олег закрыл крышку багажника, – вроде всё взяли.

– Да, хорошо у вас с товарами – задумчиво сказал Фёдор.

– С товарами хорошо, а с деньгами не очень – ответил Олег, не торопясь уезжать. Он открыл водительскую дверь и опустил стёкла, что бы избежать перегрева салона. Вероника,

уловив начало скучного разговора о политике, увела Антонину с детьми в последний не пройденный ими магазин – 'Одежда для всей семьи', пообещав только посмотреть и быстренько вернуться.

– Не смотри, что полки полные, очень многие не могут себе позволить такие покупки. Сегодня бедных около трети населения. Просто нищих – более десяти процентов.

– Так как же – Фёдора поразили эти цифры – у вас революция не происходит? Пролетариата в семнадцатом меньше было, а буржуев свергли.

– Сравнил тоже. Тогда пролетарии были в одних цепях, как классики писали, без собственности. Терять им было нечего, а жить хорошо хотелось. Война шла, крестьяне, которых в армию призвали, хотели землю получить. Им было что приобрести. Вот так совпали желания пролетариата и крестьянства. Сверху им помогли генералы, сбоку – большевики и эсэры.

– Подожди – Фёдор стал кружить по тротуару около машины, не выходя из тени, – какие генералы, какие эсэры? Советскую власть в Петрограде установила Красная Гвардия под руководством РСДРП. Во главе с Лениным и Сталиным.

– Вот так прямо взяла и установила, практически без стрельбы – язвительно сказал Олег – а кто ж ей дал это сделать? В столице воюющей страны? Если бы не Генштаб императорской армии, практически полностью перешедший к Ленину, регулярные части уделали бы большевиков как бог черепаху. Вот кто Зимний брал, по-твоему? – спросил он Фёдора.

– Красногвардейцы – твёрдо ответил железнодорожник.

– Ага, шаз. Военные контрразведчики не хочешь? Твоих красногвардейцев юнкера на раз отогнали, пришлось большевикам к специалистам обращаться. К Бонч-Бруевичу, может, слышал?

– Он ведь в Советском правительстве потом работал, точно контрразведкой не занимался – не совсем понимая, к чему клонит Олег, ответил Фёдор.

– К брату его, не помню, как звали. Царскому генералу и главе контрразведки Генштаба. Он выделил для захвата Зимнего батальон из своего резерва, они 'временных' и повязали.

– Ну, знаешь – Фёдор перестал ходить и остановился напротив Олега – давай о прошлом спорить не будем. Скажи, почему у ВАС – он выделил это слово – если у народа жизнь так плоха, никто против власти не идёт?

– Так я ведь сказал – в семнадцатом нечего было терять, и было что приобретать! Сейчас совсем наоборот – несмотря на нехватку денег, потерять можно очень многое.

– Например?

– Например, собственную квартиру. У нас, когда Советский Союз распустили – при этих словах Фёдора передёрнуло – да, что тебе не нравится? Распустили, при полном согласии народа. Вот здесь, в России, власти сказали людям – приватизируйте квартиры, которые бесплатно при совласти получили, земельные участки, гаражи, забирайте себе, а мы пока с заводами разберёмся. Народ радостно это дело приветствовал и поддержал правительство в девяносто третьем, когда в Москве дело до стрельбы дошло.

– Да ну?

– Вот тебе и ну! Там в октябре настоящая война шла, с танками. Верховный Совет воевал с президентом России и проиграл. Никто его не поддержал, все приватизацией заняты были. Примерно то же было на Украине, только без стрельбы.

Они спорили ещё долго, даже не заметив, как прошло около часа и к ним вернулись Вероника и Антонина с детьми. В руках у Вероники было два объемных непрозрачных пакета.

– Это ещё что? – удивился Фёдор, отвлёкшись от обсуждения последствий предстоящей войны для Советского Союза.

– Я гостинцы купила – ответила Вероника, загружая пакеты в открытый Олегом багажник.

– Дома посмотрим – сказала Антонина уже из машины. Вероника и дети уже расселись

– Тогда поехали – Олег с Фёдором вернулись на свои места. Олег включил кондиционер на полную мощность, дождался прохладного воздуха из дефлекторов и, развернувшись, поехал в сторону выезда из Октябрьского.

– В магазин заедем? – спросил он Антонину

– Не надо – ответила она – у нас дома всё есть.

– Оба-на – сказал Олег, издали увидев гигантскую пробку на федеральной трассе. Они ещё не успели выехать из посёлка, как выяснилось, что двигаться дальше некуда. Олег всё-таки доехал до заправки, рядом с перекрёстком, вышел на дорогу и стал высматривать хотя бы один свободный просвет между стоящими друг за другом машинами. Они занимали все правые полосы, некоторые нетерпеливые пытались проскочить вперёд через 'сплошную' по 'встречке', но через несколько сотен метров упирались в хвост ещё одной пробки, уже на полосе встречного движения. Мимо Олега в сторону Белгорода с воем и миганием сирен промчалась милицейская 'волга', сопровождая забранный решётками омовский 'Урал'-вахтовку. Доехав до столпившихся машин, милиционеры через 'матюгальник' стали стонать на обочину застрявший транспорт, расчищая путь омовцам.

– Так, ехать некуда – Олег заглянул в машину – Фёдор, может в Долбино ещё какая-нибудь другая дорога есть?

– Вдоль железной дороги можно проехать – Фёдор напоил Максимку соком, отдал бутылку Антонине – где телеграфная линия идёт.

– Точно – Олег вспомнил, что видел эту грунтовку, точнее две колеи в траве, когда ходил с Шубиным и Сергиенко к 'границе времён'. На первый взгляд она была вполне проходима для его машины, даже с полной загрузкой багажника и шестью пассажирами 'на борту'. В дождь, конечно, он бы не рискнул туда сунуться, но сейчас можно было попробовать, – Поехали обратно.

Они вернулись в посёлок, частным сектором выехали на северную окраину. С асфальта ограничивающей посёлок дороги, вправо, через поле уходила чуть накатанная колея. Олег осторожно съехал на грунт, выровнял машину по гребням. Не спеша, чуть надавливая на педаль газа, двинулся в сторону Долбино. Метров через триста дорога раздваивалась, Олег повернул налево, вниз, к железной дороге и блестевшей в кустах воде. Проехав ещё полкилометра, они оказались на берегу небольшой речки. Через неё был перекинут не внушающий доверия деревянный мост, способный выдержать пешехода или телегу, но не машину более тонны весом. Олег с Фёдором прошли по мосту, исследуя его на предмет безопасного проезда.

– Проехать, мы проедем, мост выдержит – сказал Олег, дойдя до другого берега – но меня смущает вот это – он указал на петляющую между речкой и железной дорогой грунтовку.

– Нормальная дорога – не согласился Фёдор – кое-где даже камнями подсыпана.

– Вот именно. Размывает, значит. Смотри – он спустился с моста вниз, к самому урезу воды – видишь, как затопило? В прошлом, оказывается, эта речка полноводней была. Поэтому сейчас уровень воды выше стал.

Действительно, сквозь медленно текущую воду было видно траву, растущую у моста ещё на два-три метра до бывшего берега. На обоих берегах были подтоплены кусты, кое-где вода не дошла до дороги всего несколько метров.

– Был бы у нас джип, ну, вездеход, пробрались бы. Давай рисковать не будем, полем проедем.

Фёдор согласился. Они вернулись в машину, сообщили женщинам о своём решении. Возражений с их стороны не последовало.

Поднявшись на поле, они повернули налево и без проблем доехали до разделительной черты. За ней дорога исчезала, сразу начинался кочковатый луг. Разделившись, Олег с

Фёдором пошли вдоль временного стыка. Дойдя до пологого спуска к реке, Олег увидел вдаль, у железной дороги, рядом с последней опорой контактной сети, маленькую коробочку милицкого 'Уазика'-'буханки'. Дрезина всё так же стояла, никуда не уехав. Вдоль разрыва вместе перемещались путейцы и пара милиционеров. Чем они занимались, Олег разглядеть не смог, слишком большое расстояние отделяло его от железной дороги. Посмотрев, он вернулся обратно. Фёдора ещё не было.

– Там есть дорога? – беспокойно спросила Вероника, выйдя из машины.

Солнце припекало вовсю, нагретый воздух быстро высыпал на её лбу мелкие капельки пота.

– У реки не проехать, подождём, что Фёдор найдёт. Вот он, возвращается – Олег, прикрыв глаза рукой, смотрел в сторону солнца.

В траве без усталости стрекотали насекомые, воздух был наполнен пьянящим луговым ароматом. 'Если ничего не найдём, придётся по шоссе ехать. Как-нибудь с ментами договорюсь, деньги у меня ещё есть' – думал Олег, смотря на приближающуюся фигуру Фёдора.

– Ну, что? – опередив Олега, нетерпеливо спросила Вероника.

– Есть! – Фёдор выглядел очень довольным – дорога не дорога, а что-то вроде тропы, по которой стадо на пастбище гоняют. Проедем! – добавил он, уже привычно садясь в машину.

'В форме ему должно было быть очень жарко' – думал Олег, объезжая ямы и рытвины, буквально ползком пробираясь по краю поля из 2008 года – 'а он даже фуражку не снял. Ничего себе, терморегуляция у человека!'. После двадцати минут такой езды показавшаяся слева утоптанная копытами тропа показалась Олегу автобаном. Скорость выросла до тридцати километров в час, не прошло и двадцати минут, как вдалеке показались первые огороды крайних домов Долбино. Миновав небольшую рощу, они оказались на той самой дороге, по которой ехали ночью Олег и Вероника. Ещё немного и запылённая машина вкатилась в открытые Фёдором ворота. Было около двух часов дня.

Олег выложил на крыльцо все покупки из багажника, спросил:

– Машину можно за дом загнать? Что б через ворота не увидели?

– Ставь – Фёдор не мог налюбоваться компактным сепаратором.

Олег аккуратно заехал в промежуток между домом и баней, остановив машину ближе к дому. До колодца осталось полтора метра, до бани около шести. Увидеть машину с улицы стало невозможно, её со всех сторон прикрывали стены дома, бани и сараев, а также растущие за колодцем высокие кусты жимолости вперемешку с малиной.

Пока хозяева заносили вещи в избу, Олег снова сполоснул машину, потратив на это всего одно ведро чистой колодезной воды. Поставил сигнализацию на сервисный режим, что бы ненароком не завывала и не замигала, а немедленно отсылала сигнал тревоги на брелок.

За всеми этими занятиями его застал Фёдор, уже переодевшийся в полотняные штаны и такую же рубаху с распахнутым воротом.

– Сегодня банный день – сообщил он Олегу, присевшему в тень на завалинку.

– Воскресенье, верно.

– Какое воскресенье? – удивился Фёдор – с утра суббота была – у вас в будущем, часом, дни недели не переименовали?

– Нет – Олег немного задумался – точно, двадцать второе июня в воскресенье будет, через год, когда немцы нападут.

Фёдор помрачнел.

– Слушай, ты про войну говорил – он немного замялся, пытаясь сформулировать вопрос – как мы воевать будем, как победим – он снова замолчал. Олег ждал, уже догадываясь, о чём он спросит, – а с нами что будет?

Олег молчал, не зная как ответить. Что можно было сказать этому отличному мужику, растящему троих самых прекрасных деток на свете? Добившемся, как догадывался Олег, руки и сердца весьма непростой девушки Антонины. Что ему можно было сказать? Олег мысленно выматерился. 'Если нечего сказать – говори правду' вспомнил он изречение древнего философа. Только правду, решил он, и будь что будет.

– Из вас пятерых в живых останется только Полина – единым дыханием отрубил он.

Фёдор качнулся, но удержался на ногах. Олег с тоской смотрел, как злая весть пробивает его сердце и уже начал жалеть о своём решении. Но Фёдор выстоял. Сжав кулаки, он минуту стоял с невидящими Олега глазами, потом как-то резко выдохнул и расслабился.

– Антонина знает? – спросил он уже практически спокойным голосом.

– Да – Олег почувствовал, как его то же прохватывает мандражная волна – Вероника утром сказала.

Фёдор кивнул, сел рядом. Помолчав несколько минут, он спросил Олега:

– Что надо сделать, чтобы этого не случилось?

– Ну ... – Олег хотя был готов к такому вопросу, но несколько растерялся – самое простое – уехать вместе с нами в Харьков, – другие варианты ему почему-то в голову не пришли.

– Бежать, значит – Фёдор опёрся руками на завалинку, повернулся бледным лицом к Олегу – нет в бегстве спасения, поверь мне, Олег. Отец мой не стал бежать от плохой жизни. Не у себя, нет – он заметил сомнение в его глазах – бедно жили крестьяне здесь при царе, очень бедно. С детишками на пашню, на покосы ходили. Возьмут с собой самых малых и ребят постарше, краюху хлеба, лук и картохи немного. Вот и вся еда. Целый день под солнцем, родители робят, старшие за младшими смотрят. Жара, оводы. Каково ребятёнку, представляешь? Идут вечером домой, чуть не плача, – помолчал, нехотя продолжил. – Отец мой станционным смотрителем был, жалованье неплохое получал. Но как увидит этих ребятешек, обгоревших, уставших, искусанных, всё у него внутри переворачивалось. Поэтому пошёл за большевиками в семнадцатом, не мог видеть страдания народные.

– Лучшего хотел – добавил Фёдор после длительной паузы. Олег молчал, поражённый силой, с какой говорил эти слова железнодорожник.

– Вот – продолжил Фёдор – оказалось, что жизнь стала у вас лучше, а счастья у народа не прибавилось. Не нужно оно вам, понимаешь? Зачем тогда к вам ехать?

Олег обалдел. Такого от кандидата в покойники он не ожидал. Ладно, на себя ему наплевать, но жена, дети!

– Слушай, Фёдор. Я понимаю – ты не хочешь в это верить. Дай сказать – остановил он ответный порыв Фёдора – можешь считать меня кем угодно, но я на твоём месте хотя бы детей вывез. Они то в чём виноваты? Ты про счастье народное говорил, а про своих детей подумал? Про их счастье?

– В сиротство предлагаешь их отправить при живых родителях?! – Фёдор встал, почти вплотную подошёл к якобы расслабленно откинувшемуся на стену дома Олегу – какое счастье ребёнку без отца с матерью?!

– Сядь! – жёстко сказал Олег. Он мог в любой момент уронить Фёдора на землю, заранее подтянув правую ногу поближе к телу. Носок его туфли был аккурат напротив коленной чашечки левой ноги разгневанного отца. Один удар и Фёдор рухнул бы на траву как подкошенный, – сядь, мы ещё не закончили – спокойнее повторил он, многозначительно покачивая носком подтянутой ступни. Фёдор немного утих, вернулся на завалинку, но на Олега старался не смотреть. С крыльца выглянула обеспокоенная Антонина

– Вы так громко разговариваете ... – начала, было, она, но, натолкнувшись на взъеренный взгляд мужа, юркнула обратно в дом. Такой домострой Олег мысленно одобрил. Пододвинувшись поближе к стене и обхватив притянутое колено обеими руками, он начал говорить нарочито спокойным и размеренным голосом, сменив дальнюю перспективу на ближнюю.

– Фёдор, сам посуди – спокойной жизни у Вас теперь не будет. Помнишь, как Шубин за тобой бегал? Он, думаешь, просто так в Белгород вернётся? Он уже дырку на гимнастёрке под орден сверлит, за обнаружение и раскрытие диверсии на перегоне Долбино – Казачья Лопань. Доберётся до своей конторы, всех там на уши поставит, но ордер на твой арест выбьет.

Фёдор засмеялся. Олег не понял, что шутейного было в информации про грядущий арест. Посмеявшись, Фёдор объяснил нелепость данного предположения.

– Ты ведь акт не читал? – риторически спросил он Олега

– С чего это? Читал, даже расписался как свидетель.

– Да? – в свою очередь удивился Фёдор – наверное, это потом было, после того, как я станционный журнал Сергиенко показал. Он время записи об остановке поезда оттуда взял, о чём в акте отмечено отдельно.

Олег припомнил, что нечто такое было написано, но в таких канцелярских оборотах, что он просто пробежал глазами эти строчки, особо не задумываясь над содержанием.

– Было, да. Ну и что это значит?

– А то, что дырку, как ты говоришь, сверлить, на кителе надо мне! Руки коротки у энкаведешника, меня арестовывать. Он ведь сам подписался, что если б не я, валялся бы скорый поезд под откосом, вместе с наркомовской комиссией. Сергиенко мне шепнул – пояснил он – они весь второй вагон занимали, улетели бы с рельс как пить дать.

– Не понял – сказал Олег – с чего ты утром так волновался, когда спрашивал, что я чекисту рассказывал.

– Это совсем другое – Фёдор вскочил, прошёлся до колодца и обратно – я хотел знать, что про нашу встречу уполномоченному известно. А ты ему ничего не рассказал. Всё он знает только с моих слов. Получается, ты сам на станцию пришёл и сам мне всё выложил – про аварию, про то, что из будущего приехал ...

– Про то, что в будущем с советской властью случится – иронично подхватил Олег – это ты ему то же рассказал? Какая у вас статья за это полагается? Пятьдесят восьмая?

– Пятьдесят восемь – десять. Нет ничего кроме как по делу, я энкаведешнику не говорил.

– Он прямо таки взял и поверил? – съязвил Олег – а если поверил, то не сегодня, так завтра твои соседи в органы стукнут. Во, блин – он вскочил, точно так же как Фёдор, заходил от завалинки до колодца и обратно – ну дурак я, нахрена было в Октябрьский ездить, у тебя сейчас полный дом компромата! Что вам за это будет, когда найдут?

– Ничего – Фёдор был спокоен, как кот, хапнувший на халяву крынку сметаны – скажу, торговец, который об аварии предупредил, предложил купить у него товар. Товар в соседней деревне. Съездили, купили. Что здесь незаконного?

– Ну, ты жук – Олег уважительно посмотрел на скромного труженика НКПС – везде меня крайним выставил. Я о поезде, оказывается, предупредил, я товаров заморских тебе всучил, а ты значит, только гражданский долг исполнил и приборахлился немного. Ты не при делах, а меня не достать. Развёл чекиста, молодец.

– Выходит так – не совсем поняв, о чём говорил Олег, Фёдор развёл руками. Глаза его смеялись.

– Ладно, проехали – Олег хлопнул ладонью по крыше колодца – в таких вещах без бутылки не разобраться. Что ты про банный день говорил?

Надо было натаскать воды в баню, пока Фёдор с Антониной будут заниматься огородными делами. Олег вызвался наколоть дров, но как выяснилось, нужды в этом не было. Поленницы за баней и домом были забиты наколотыми берёзовыми чурками до среза крыши. Сняв рубашку и закинув её на заднее сиденье, он начал наполнять водой две деревянные бочки в бане – в парилке и предбаннике, каждая примерно литров на сто пятьдесят, и вмурованный в кирпичную печь чугунный котёл без крышки, вмещающий ещё литров восемьдесят. Залить

два ведра, отнести, вылить. Ещё раз, ещё и ещё. В конце концов, он бросил считать ходки и стал размышлять о будущей судьбе хозяина дома. В том, что чекисты так просто отстанут от Фёдора, он глубоко сомневался. Не тот контингент, не то время. Может, он рассчитывает на заступничество НКПС? Аварии всё-таки предотвратил, ударник, на хорошем счету, кандидат, в конце концов. Всех тонкостей этой стороны довоенной жизни Олег не знал, но прочитанные в Интернете за последние годы книги об индустриализации и репрессиях, склонили его к выводу, что шанс у Фёдора есть, но небольшой – процентов двадцать. Хотя, с другой стороны, вряд ли его выпустят куда-нибудь дальше Долбино. Параноидальная страсть соввласти к засекречиванию всего и вся могла в этом случае помочь. В итоге Олег пришёл к заключению, что: либо прадеда Вероники грохнут, как говорится, не отходя от перрона, либо оставят в покое, но так 'дадут по рогам', в смысле ограничат в передвижении и прочих гражданских правах, что он даже в Белгород съездить не сможет.

– Олег – Вероника неслышно подошла сзади, когда он накручивал колодезную ручку – что на ужин приготовить?

– Сейчас – он подтянул ведро к вороту, подхватил и поставил на землю и только после этого обернулся.

'Опять!' мысленно взвыл Олег 'как бабы любят свой образ менять, привыкнуть не успеваешь!' Перед ним стояла Вероника номер три, если считать за первых двух почти гламурную современницу и сверхрешительную амазонку.

Волосы убраны под белый ситцевый платок, завязанный под подбородком, на лице ни следа косметики, вместо топики и джинсов длиннее платье-сарафан белого и тёмно-зелёного цветов, явно с Антониного плеча, надёжно скрывшее все приятные округлости её фигуры. В общем, классическая русская крестьянка, хоть сейчас можно картину писать. Олег, как будто в первый раз, осматривал её сверху донизу и обратно, вдруг заметив, какое у неё хорошенькое лицо в своём естественном, без химических украшений, виде. Она смотрела ему прямо в глаза, будто спрашивая 'Вот я какая, на самом деле. Как я тебе?' Олег понял, что готов на всё ради неё, ведь она смогла так рискнуть, выйдя к нему без защитной брони макияжа. Неужели он не сможет доверить ей так, как она доверилась ему? Сможет! Он шагнул к Веронике, наклонился и поцеловал в сладкие губы.

– Олежек – прошептала она, обнимая его за шею – мой Олежек.

Он замкнул её дрогнувшие губы своими, не нуждаясь более в лишних словах. Обнял и нежно прижал к себе, как будто прикрыв девушку от всей злобы мира.

С угла дома кто-то хихикнул. Вероника вздрогнула, распахнула глаза и отстранилась от Олега. Он опустил руки и посмотрел на крыльцо. Там стояла Полина, прикрывая рот ладонью.

– Подглядывать – нехорошо – не найдя ничего более литературного и педагогического, хрипло сказал Олег. Сердце его бешено колотилось, он был готов допрыгнуть до неба и снять любую звезду, на которую укажет Вероника.

– Ничего я не подглядывала! – возмутилась Полина – она вышла тебя спрашивать, что готовить и пропала. Я ждала, ждала, потом пошла, посмотреть, что во дворе внучка – она прыснула в ладонку – так долго делает. А она – Полина снова прижала ладонь ко рту – целуется! Хи-хи ...

Вероника побледнела, видно ей так же пришлось срочно тормозить нервную систему.

– Ну, бабуля! – она, скользя мелкими шагами, стала приближаться к крыльцу – сейчас сорву крапиву и врежу тебе по первое число. Воспитывать тебя ещё и воспитывать! Заждалась она!

– Ай! – взвизгнула Полина и метнулась мимо приближающейся, как летняя гроза, Вероники в сторону огорода, к родителям. Вероника прыгнула, вытянув вперёд руки, но не смогла её перехватить. Полина как-то умудрилась выскользнуть из почти сомкнувшихся на её плечах ладоней. Молча, какими-то длинными заячьими прыжками, выскочила со двора. Вероника

не стала её преследовать, оставшись на месте. С огорода послышался звонкий, даже у дома, шлепок и почти мгновенно, получив от матери заслуженное ускорение, Полина прибежала обратно. Остановилась в двух метрах от стоящей с упёртыми в бока руками Вероники.

– Драться будешь? – шмыгая, спросила бабушка у внучки.

– На кухню, живо – вместо ответа приказала ей Вероника – нам ещё готовить надо, если ты не забыла.

– А что готовить-то из купленного? – Полина снова попробовала качнуть права – он тебе ничего не сказал!

– На ваше усмотрение, девушки – вмешался в спектакль Олег – только что б вкусно было.

– Вкусно. Будет, – твёрдо пообещала Вероника, конвоируя беглянку обратно в избу.

'М-да, картина маслом – внучка бабушку гоняет. Видимо, в детстве, когда Ника сюда приезжала, было совсем наоборот. Как-то быстро она про крапиву вспомнила, случались, видимо, ситуации' Олег вылил последние два ведра в бочку и вернулся к колодцу. На губах ещё остался вкус поцелуя, перед глазами стали мелькать соблазнительные картинки 'Хорош! Хорош, я сказал! Вот блин, как мальчик на первом свидании. Ещё увидит кто' Он оглянулся по сторонам. На дворе было пусто, если не считать гуляющих за машиной кур с цыплятами, что делалось за распахнутым окном кухни, разглядеть не удалось – мешала занавеска. Олег, наклонившись, вылил себе на голову полведра холодной колодезной воды 'Уф, лепота! Заодно жару легче переносить буду' Быстро заполнив последнюю ёмкость в бане, он отнёс ведра в сарай и пошёл в огород, спросить насчёт дальнейшей программы. Роющий землю за пристроенной к сараю конуре лохматый пёс только проводил его взглядом, уже, видимо, считая за своего.

Огород от бани и сарая уходил вдаль метров на тридцать, почти полностью занятый картофельными кустами, ещё метров на десять продолжающимися к соседнему участку от задней стенки сарая. Слева у забора тянулись в несколько рядов грядки с капустой, морковкой и прочими овощами. Хозяева усиленно махали тяпками, окучивая будущий бульбовый урожай.

– Помочь? – Олег подошёл к работающему уже без рубахи Фёдору. По его загорелому телу сбегали капельки пота, успевая по дороге высохнуть и не упасть на землю. Антонина, дошедшая до замыкающей огород изгороди, остановилась и, приложив ко лбу ладонь, смотрела на разговаривающих мужчин.

– Тяпок нет – ответил Фёдор, тыльной стороной ладони вытирая пот со лба – только две.

После сцены у колодца Олег окончательно понял, что любит Веронику. Он решил немедленно по приезду в Харьков предложить ей руку и сердце, то есть, современно говоря, просить её выйти за него замуж. Все ранее волновавшие его вопросы тихо исчезли, спасовав перед такой решимостью. Поэтому семью Лапиных он стал воспринимать как своих родственников, пусть даже пока и неофициальных, а помощь родне он всегда считал святым делом. Правда, кроме матери в Харькове у него никого не было. Отца он не помнил, а родственники мамы жили в Челябинской области России, и за всю сознательную жизнь он общался с ними всего два раза, приезжая до распада СССР к ним в гости.

– Давай я Антонину заменю. Пока Ника с Полиной опять не сцепились.

Фёдор как-то по-новому посмотрел на Олега, подозревал жену.

– Тоня, иди в избу. Мы сами здесь справимся.

Антонина явно хотела что-то спросить, но сдержалась. Отдала тяпку Олегу и придерживая подол сарафана, прошествовала с огорода. Фёдор вернулся к работе. Посмотрев, как он это делает, Олег принялся первый раз в жизни окучивать картошку. Получалось это у него медленнее, чем у размеренно идущего, как автомат Фёдора, но он очень старался. Над баней за клубился лёгкий дымок, но Олегу было уже не до этого. Борясь с занывшими от непривычной работы мышцами, он упорно держал марку будущего, не останавливаясь ни на минуту и когда всё было сделано, не испытал особой радости. Он просто сделал свою работу.

Убрав садовый инструмент в сарай, Олег пошёл к колодцу. Там уже набирал воду Фёдор. Цепь весело накручивалась на ворот, над срубом показалась дужка ведра. Фёдор перехватил его, поставил на землю.

– Тяжело с непривычки? – спросил он, переливая воду.

– Да – Олег не стал скрывать очевидного факта – первый раз в жизни картошку окучиваю.

– Ничего – Фёдор дошёл до умывальника, наполнил его до краёв, – сейчас баня пропитится, всё как рукой снимет, – он начал умываться, фыркая и мотая головой – так то же хорошо, но баня лучше. Зимой, представляешь, напаришься и в сугроб. Вот здесь – он показал в сторону кустов – специально снега побольше нагрёбаю.

Он закончил умываться, уступив место. Олег, смыв пот с лица и верхней части тела, вытерся висевшем на стене бани полотенцем, сел рядом с Фёдором на завалинку. Солнце уже давно перевалило через зенит, бросая на них уже приятно тёплые лучи.

– Скажи мне, Олег – Фёдор сидел, откинувшись на стену дома, и полуприкрыв глаза наблюдал за важно выходящим около машины петухом – у вас всё серьёзно?

– В смысле?

– В смысле с Вероникой.

– Я считаю, да.

Фёдор скосил на него взгляд серых глаз

– Это в будущем считается за ответ? Я ведь не только твоё мнение спрашиваю, но и её.

– Да – ответил Олег, начав слегка раздражаться – а что тебя так это интересует?

– Как-никак она моя родственница.

– Ух, ты – Олегу захотелось поддеть прадедушку – признал, что ли? Не сильно она на вас похожа, только цветом волос и нос такой же нордический, правда, маленький – намекнул он на фамильную особенность Антонины, вполне, впрочем, гармонирующую со всем остальным. Всё-таки прабабка была покрупнее правнучки.

– Нос, да – согласился Фёдор – но это не главное. – А что – главное? – не понял Олег.

Фёдор повернул голову и посмотрел ему в глаза. Олег не отвёл взгляд

– Ты знаешь – Фёдор смотрел не мигая – ты уже знаешь, кто она такая. Смотри, не оступись, правнучек.

– Что за ... – начал, было, Олег, но Фёдор не стал его слушать, легко поднялся и пошёл мимо машины в избу.

'Вот блин родственнички попались!' – Олег остался сидеть, наблюдая неспешное путешествие редких перистых облаков. 'Антонина со своими дворянскими замашками, муж её, простачком прикидывающийся, даже дочь старшая, без мыла куда угодно влезающая. Да, представляю, что было бы, если б они в Харьков переехали. За неделю точно адаптируются. Как они себя в Октябрьском вели – не охали, не ахали, а воспринимали всё как должное и даже критиковать умудрялись! Вот тебе и непродвинутые предки'

Справа зашуршала трава, Олег посмотрел, слегка наклонив голову. Рядом стоял, переодетый в домашнее, Максимка, не выпуская из рук ярко-красную модель 'Камаза' – пожарной автоцистерны.

– Мама сказала вас позвать – выпалив эту фразу, мальчонка развернулся, бегом помчался обратно, доигрывать. Олег достал из машины рубашку, накинул и двинулся за ним следом.

На крыльце он едва не столкнулся с Полиной. Девушка с серьёзным видом, демонстративно его не замечая, отправилась в сторону сараев. Олег прошёл сени, дверь в дом была распахнута настежь.

Вокруг стола, сейчас являющимся местом разделки и готовки, священнодействовали женщины. На пластиковых листах лежали горки нарезанных и натёртых овощей. Не удовлетворившись этим количеством, Вероника на пирамидальной четырёхсторонней тёрке изничтожала вареную свёклу, Антонина слоями выкладывала в большой и глубокой фарфоровой

тарелке какой-то хитрый салат, промазывая каждый уровень майонезом из стоящего на подоконнике ведёрка, рядом с которым лежал открытый на середине женский журнал. На полу, под столом, стояли две эмалированные кастрюли с крышками, большая и маленькая. В них, видимо дожидалось ужина что-то уже готовое. Не смотря на распахнутое настежь окно, было жарко – в печи догорали дрова. Судя по запаху, до полной готовности хлеба оставалось уже недолго.

– Олег – спросила Антонина, оторвавшись от работы – Вы где спать будете?

Вероника начала потихоньку краснеть. 'С чего бы это?' мельком подумал Олег, а вслух высказал свою давнюю, ещё с детства, мечту:

– Сеновал у Вас есть? Никогда не спал на сеновале.

Вероника буквально вдавила ботвинью в тёрку, цветом лица стремительно приближаясь к измельчаемому овощу.

– Есть, конечно – Антонина спокойно смотрела на Олега, в голубых глазах проскакивали солнечные лучики – сразу возле ворот. Я Вам там постелю.

– Олег – сквозь занавеску позвал его Фёдор – как эта штука работает?

На полу горницы была собрана железная, а точнее пластмассовая, дорога. Отец с сыном сидели на полу, пытаясь приладить к конструкции микромодель скоростного поезда. 'Красная стрела' значилось на аккуратно вскрытой упаковке.

– Не едет! – вынес вердикт папан, вручную толкая состав по рельсам. Модельки жужжали и вяло сопротивлялись оказываемому на них давлению, не желая, однако, катиться после приданного им детской рукой ускорения.

– Так вы же батарейки не поставили! – Олег сел рядом, прямо на половик – четыре штуки покупали, в прозрачной упаковке, где они?

– Вот эти? – Фёдор показал на лежащий возле горки сундуков блистер. Он выполнял важную функцию печки, на которой что-то готовилось. На предстоящий ужин Леночкой были приглашены кукла Катя и кошка, пока оставшаяся для Олега безымянной. Перед гостями на столе из деревянного брусочка стояли чашки и кружки. Лежащая на полу кошка вполглаза смотрела на сервировку, надеясь учуять в этих непонятных предметах хотя бы молоко.

– Леночка – отец взлохматил дочкины кудряшки – дай нам эту коробочку. Мы достанем из них кое-что, а потом отдадим. Хорошо?

– Хорошо – она сняла кастрюлю, поставила её перед кошкой, заинтересованно стукнувшей кончиком хвоста.

Олег переломил блистер, вытащил из него четыре пальчиковых 'Дюрасела'. Блистер вернул Леночке, тут же поставившей на него маленькую сковородку, а одну батарейку, отщёлкнув вверх корпус локомотива, вставил между контактных ламелей.

– Готово – Олег собрал поезд, поставил его на рельсы. – Видишь, маленький рычажок? – спросил Максимку, указывая на выступающий с левого борта выключатель – передвинь его вперёд.

Лапин – младший осторожно сдвинул блестящую железячку. 'Вжжжж' состав рванул вперёд, проскочил стрелку и закружил по большому пути. Максимка, открыв рот, наблюдал за его быстрым движением. Из кухни выглянула Антонина и тут же вернулась обратно, кошка успешно притворилась якобы спящей, младшая дочка Фёдора оставила приём и подошла к сидевшим кучкой возле игрушки большим и маленькому мальчику, с увлечением переводящим две стрелки. Поезд на полном ходу поворачивал, меняя направление или длину проезжаемого пути. Младший из двух брусков соорудил станцию, поставил перед ней деревянный семафор и громко объявлял 'Поезд Москва-Харьков следует без остановки'

– Здорово! – Лапин – старший был доволен покупкой не меньше сына – Долго он так ездить сможет?

– Часа два, наверное – Олег взял в магазине эти батарейки, вспомнив рекламного зайца – но лучше их сразу не садить. Минут пять покатаешь, а потом перерыв сделать минут на пятнадцать-двадцать. На дольше хватит.

– Так и сделаем – Фёдор поймал локомотив, движением пальца обесточил двигатель – отдохнёт поезд, потом ещё покатаешь – объяснил он сыну – а пока книжки посмотри.

Сын оставил железную дорогу в покое, взял с пола машинку, пошёл к стоящему в углу сундуку, на крышке которого лежали детские книги. Девочка вернулась к своим гостям.

– Убери батарейки – Олег катнул жёлтые цилиндрики к Фёдору. Тот сгрёб их ладонью, поднялся и прошёл в последнюю комнату. За занавеской зашуршала ткань, хлопнула деревянная крышка. Пока Фёдор укладывал в какую-то шкатулку батарейки, Олег поднялся с пола и подошёл к сундучной горке, преступив через кошку. Не выдержав такого оскорбления, хвостатый уничтожитель мышей убрался за правый угол сундука, по пути зацепив сервировку.

– Пуша! – воскликнула младшая, восстанавливая порядок – всё уронила! Что Катя кушать будет!

Пуше было всё равно, что там будет кушать кукла, она завалилась под окном спать, вытянув вверх лапы. Олег рассматривал фотографии. Их было шесть штук, три парных ряда. Сверху слева висела карточка с изображением стоящего вполборота усатого щеголя в костюме-тройке, опёршегося правой рукой на обломок античной колонны, внизу колонны большая корзина с цветами. Справа была фотография улыбающейся женщины среднего возраста, сидящей в плетёном кресле с девочкой лет пяти на руках. Судя по схожим и уже знакомым чертам лица, это была мама с дочкой. 'Так, это Антонина с матерью, Елизаветой Павловной. Судя по одежде, снимок сделан до революции. Тогда справа кто? Неужели Прохор?' Нет, на снимке слева второго ряда был сфотографирован то же, но уже серьёзный мужик в железнодорожной форме, дополненной свисающей кобурой маузера, на фоне забранного броневыми листами паровоза. '... класса' значилось на видимом фрагменте брони, слева от кабины. 'Орёл наш, родитель Фёдора. На боевом посту, значит. Не сильно он войной покалечен, бодрячок бодрячком' Правая фотография была полной противоположностью только что видимому революционному порыву. Олег даже поначалу удивился, как такую сцену из старорежимной жизни кандидат в ВКП(б) посмел повесить на стену. На фоне яблоневого сада, внутри увитой плющом беседки, стоит короткая скамейка из кованого железа, богато украшенная завитушками и прочими извивами кузнечного промысла. На скамейке сидят две женщины, одна старше, другая младше, в длинных платьях и сложно сделанными причёсками, руки сложены на коленях. Но рядом с ними, с каждого края, стоят двое военных в форме императорской армии! Олег не слишком хорошо разбирался в дореволюционных знаках различия, но всё-таки сделал вывод, что стоящий слева от Елизаветы Павловны безусый юнец младше по званию, чем прикрывающий правый фланг молодец с лихо закрученными усами. Возраст служивых вряд ли превышал двадцать лет. 'Понятно' сообразил Олег 'это два погибших в первую мировую дяди Антонины, поэтому фотку в сундук не убрали. Жертвы кровавого режима, так сказать, можно показывать. А вот и тётка, имени которой Фёдор не произнёс'. Женщина, как бы сейчас сказали, предпенсионного возраста, с более тонкими, чем у младшей сестры, чертами лица слегка наклонила голову влево, словно прочерченные резцом тонкие губы слегка улыбались Олегу, взгляд же не предвещал ничего хорошего. Он пробивался внутрь души, настойчиво ища ответ на невысказанные вопросы 'Кто ты? Зачем пришёл к нам? Достоин ли ты?' Олег с трудом отвёл глаза. 'Уф! Точно ведьма, смотрит, как живая'.

– Больше ничего не осталось – сказал сзади Фёдор – только эти карточки нашли.

Действительно, в последнем ряду прежней жизни уже не было. Семейное фото Лапиных, сделанное, судя по интерьеру, на станции и две фотографии мужа и жены, объединённые одной рамкой.

– Кто это? – Олег решил уточнить, показал на дореволюционное семейное фото

– Сыновья Елизаветы Павловны. Михаил справа, Николай слева. В Мазурских болотах погибли.

– А рядом с ней? – не отстал от него Олег.

– Старшая сестра Елизаветы – Фёдор помолчал, но всё-таки нехотя сказал – Екатерина Павловна. Пойду я, баню посмотрю.

Он развернулся и вышел из горницы. Олег посмотрел ему вслед, затем сел на лавку рядом с большим сундуком.

– Красивые картинки? – спросил он Максимку.

– Да – мальчик стоял, облокотившись на край сундука. Перелистывал страницы, внимательно рассматривая яркие иллюстрации.

– Давай почитаю – совершенно неожиданно для самого себя предложил Олег. Он взял из маленьких рук книгу и раскрыв на первой странице, начал вслух читать сказку 'Белоснежка и семь гномов'. Младшая оставила куклу, подошла к брату, обхватила его руками. Так, стоя, они дослушали сказку до конца.

– И жили они долго и счастливо – Олег закрыл книгу, положил её на сундук.

– Здорово! – мальчик буквально светился – прочитайте ещё!

– Потом Максимка почитаем – вернувшийся отец прервал культурную программу – собирайтесь. Сейчас в баню с мамой пойдёте.

– А ты? – удивился сын.

– Я потом, с дядей Олегом. Без вопросов! Взяли вещи и вперёд! Полотенца уже в бане, новые.

Дети скрылись за занавеской, вернувшись минуты через две, держа в руках нечто вроде серых длинных рубашек без пуговиц.

– Идите – Фёдор отправил их из дома – Полина уже там, сейчас мама к вам придёт – добавил через паузу – с Вероникой. Им ещё немного осталось.

Только сейчас Олег сообразил, что ему одеть после бани нечего. Разве что обратно влезть в то, что сейчас на нём. Он поделился этим затруднением с Фёдором.

– Ерунда – Лапин – старший не видел в этом проблемы – Вероника нам халаты купила. Мой возьмишь. Слушай – тема разговора поменялась, – с какой скоростью этот поезд ездить может?

Фёдор поднял с пола игрушечный состав и стал внимательно его рассматривать.

– Двести километров в час, вроде – Олег не помнил точных цифр российского достижения – на некоторых участках между Питером и Москвой. Это сейчас не скорость. Во Франции и Японии поезда стабильно триста – триста пятьдесят выжимают.

– А у Вас?

– На Украине-то? Если сто, то очень хорошо.

Фёдор поставил состав на рельсы, краем уха прислушиваясь к женскому щебетанию за занавеской. 'Время тянет' понял Олег 'ждёт, когда бабы свалят'. Минуты через две через горницу прошла Антонина, вернулась из дальней комнаты с ворохом одежды в руках. Олег успел разглядеть пару халатов, синий и красный, и какую-то вариацию на избитую тему сарафана.

– Себе сам возьмишь – сообщила она Фёдору, оставляя мужчин наедине.

– Так что же ты хочешь ещё узнать? – напрямую спросил Олег, дождавшись хлопка входной двери. 'Наверняка, про свадьбу начнёт говорить. Для родни весьма актуальная тема, во все времена'.

– Ты как к Советской власти относишься?

– К какой? – Олег решил немного потянуть с ответом. Как он успел понять, за внешней простоватостью Фёдора скрывался весьма острый ум, и наобум на такие вопросы отвечать было уже стрёмно.

– Как к какой? – предок, к удовлетворению Олега, немного растерялся.

– К Вашей или к той, что у нас была?

– А в чём разница? – кандидат в коммунисты собрался и ринулся в атаку – Советская власть, она всегда для трудового народа. Что сейчас, что в семнадцатом, что через пятьдесят лет.

– Ну, ты даёшь, Фёдор – Олег даже немного разочаровался – через пятьдесят лет Советская власть закончится, я ведь тебе рассказывал. Ты можешь в книжке прочитать, что Полине купили. Там исторический раздел есть, я в магазине смотрел.

– Прочитаю, обязательно – Фёдор закружил по горнице, обходя лежащие игрушки – что там у вас случилось. Как власть предатели захватили, как народ оболванили. Но ты – он остановился напротив Олега – ты сам за кого?

'Ты за Луну или за Солнце?' вспомнилось прикольное телешоу. Но шуткой сейчас было не отделаться, слишком серьёзно выглядел будущий родственник 'Ещё твердокаменного коммуниста в родне не хватало. Лёху бы на него напустить, он бы его быстро разделал, как Ельцин свой Верховный Совет' Олег вздохнул, отвечать надо было искренне.

– Советская власть ЛИЧНО – он подчеркнул это слово – мне сделала только хорошее. Но! – он поднял вверх указательный палец правой руки – Я был тогда ребёнком и в таких вопросах не разбирался. Не надо это мне было. Если бы родился на десять лет раньше, то, наверное, смог бы тебе честно ответить, за советскую власть я или против. А так – он пожал плечами – мне её особо любить или ненавидеть не за что. Не успел!

– Табула раса – пробормотал Фёдор, вполне удовлетворившись его ответом.

– А зачем ты меня за советскую власть агитируешь? – решив покончить с этой темой, решительно спросил его Олег – это на чтонибудь повлияет?

– На это – Фёдор намёк понял – ничего и никто повлиять не сможет, поверь мне. Я другое о тебе узнать хотел.

– Узнал?

– Да – Фёдор вдруг широко улыбнулся – узнал. На тебя можно положиться.

– В чём же? – удивился Олег.

– В деле спасения Советской власти.

– Чего?? – такого от скромного труженика советских железных дорог он никак не ожидал, – это шутка такая?

Фёдор спрятал улыбку и теперь выглядел точь-в-точь как папаша на фоне революционного паровоза. Разве что маузера не хватало.

– Я как кандидат в члены ВКП(б), сын революционера и советский человек ОБЯЗАН – с нажимом сказал Лапин-старший – сделать всё от меня зависящее, что бы сохранить Советскую власть. Сейчас, завтра и через семьдесят лет.

'Ещё одни клятвоприноситель. Бабы ладно, о потомстве заботятся, а этот о совке решил порадеть. За державу ему, блин, обидно. Ну-ка, спросим его о грустном'

– А вот скажи мне, Фёдор – Олег специально спародировал слова и интонацию – у тебя оружие есть? Боевики подготовленные? Бронепоезд в кустах не завалялся? Что ты так меня устался?

Фёдор, прищурясь, смотрел на Олега, ожидая конца балагана.

– Если серьёзно – Олег бросил придуриваться – когда ты убивать начнёшь?

Кандидат вздрогнул. Видимо, такое развитие событий не предполагалось.

– Зачем убивать? – Фёдор искренне удивился.

– А как ты собрался Советскую власть спасти? – начал давить Олег – проблема ведь не в народе. Ему, по большому счёту всё равно, кто там наверху сидит – царь с попами, генсек с коммунистами или президент с олигархами. У нас СССР и все советские достижения были сданы властью. Начальниками всякими разными, от ЦК до заведующего баней. Статус

их не устраивал, если с Западом сравнивать. Вот, например директор крупного завода, СЕО по западному. Ну, и чем он может гордиться? Казённой дачей? Служебной 'Волгой' ...

– Чем? – успел вставить Фёдор.

– А, её ещё не делают. Ну, 'Зисом' служебным. Квартирой в пять комнат? Есть такой профессор – Маслоу. Он вывел, что у человека есть пирамида потребностей – сначала безопасность, потом пожрать, потом бабу завалить. Только потом идёт самореализация, общественное признание, стремление увековечить себя в веках и тому подобное. То, что в коммунизме главным должно быть – пояснил Олег.

– Непонятно – Фёдор заложил руки за спину и начал задумчиво ходить от окна до печки и обратно, – как твоя, ладно Маслоу этого, пирамида связана с отменой у вас социализма и директором завода?

– А ты не путай! – Олег пресёк попытку сменить тему – во-первых, социализм с советской властью никак не связан, во-вторых, СССР ведь не висит сферическим конём в вакууме, а находится в капиталистическом окружении. Те, кто могут сравнивать, директор этот, например, очень быстро сообразит, что западный коллега живёт на порядки богаче, чем он. Ездит ведь в загранкомандировки или информацию оттуда получает. Не то, что из репродукторов народу на уши вешают, а реальное положение дел. Иначе ведь Запад не догнать, без правдивой информации! Хотя бы для тех, кто решения в СССР принимает. Вот тут-то и начинается эта пирамида на мозг капать – ты работаешь, вкалываешь, а ТАМ, за бугром, за то же самое, лучше платят! У тебя ЗиС служебный, у него два Каддилака личных, у тебя дача казённая, у него свой особняк с бассейном, ты на пенсию выйдешь, дачу и ЗиС отберут, а он всё детям оставит. Вот тут-то о приватизации и задумается товарищ директор, что б, значит, вместо общественного, откуда в любой момент могут выпнуть с голой жопой, стало всё его. Только тогда быстро особняк появится, Кадиллаки с Майбахами и личная яхта с вертолётom.

Олег выговорился и переводил дух, Фёдор всё так же шагал по горнице, наконец, остановился возле окна.

– То есть ты считаешь, что товарищ Сталин недосадил кого надо?

– А хрен его знает. То, что он не всех 'тех' ликвидировал, это точно. Зато очень много народу ни за грош в Гулаге пропало. Сосед настучал или сболтнул где-то лишнее. Проще ведь с болтунами бороться, чем реальных врагов выявлять. Которые в основном с партбилетами и на ответственной работе. Только во время войны до Сталина дошло, что так жить нельзя. А потом опять понеслось – Олег махнул рукой – мы победили, значит всё дозволено. Ну и проиграли в итоге, через пятьдесят лет.

Фёдор молчал, обдумывая услышанное. Олег вспомнил прочитанную несколько лет назад книгу, устало добавил.

– Если ты хочешь человеческую природу обхитрить, ничего у тебя не получится. Если жизнь в СССР будет хуже, чем на Западе, то дело твоё гиблое. Да и вообще – не получится превзойти капиталистов во всём, у них банально ресурсов больше.

– Это как?

– А так! На 'золотой миллиард', как у нас Запад называют, вся планета работает. Китайцы, арабы, индусы, негры и прочие. Кто товары делает, кто нефть поставяет, кто жратву выращивает. Глобализация, понимаешь? А Советский Союз делал ровно наоборот – от себя отрывал, помогал всяким борцам за независимость и прочим Лумумбам. Деревни в упадок приходят, зато продовольствие даром грузим, похрену, что полстраны на талонах сидит. Так карточки ваши у нас обозвали – пояснил он Фёдору – Помогали, помогали, а как помощь кончилась, все союзники СССР быстренько к Западу переметнулись. То же самое внутри страны произошло. Все республики быстренько от России рванули, сейчас у неё только один реальный союзник остался – Белоруссия.

– А Украина? – по лицу Фёдора было видно, что он очень хочет высказаться, но пока себя сдерживает.

– Украина – Олег не стал скрывать своего скептического отношения к этому непонятному образованию на карте мира – ей тоже в Европу хочется, но не берут! Слишком много проблем за собой притащит, решать которые Евросоюз не станет. Нет столько денег, и желания то же. Вот так и висим, между Европой и Россией. Советской промышленности уже практически нет, по Харькову видно, новых заводов ещё нет и, скорее всего не будет. На жизнь торговлей зарабатываем. Ну, я ведь тебе рассказывал.

– Очень хорошо, что ты всё высказал – Фёдор опёрся о подоконник – я услышал, что тебе такая жизнь не по нраву. Так?

– Ну – Олег не понял, откуда Фёдор это вывел, но в принципе, согласился с ним – не нравится, да. Что делать? Эмигрировать не хочу, а жить-то надо.

– То есть, если бы у тебя появилась возможность всё изменить, ты бы не отказался? – Фёдор задал уточняющий вопрос.

– Не отказался – Олег не смог удержаться от иронии – 'Только пожить в эту пору прекрасную Уж не придётся ни мне ни тебе'

– Придётся пожить – Фёдор шутки не принял – что бы не было на кого ответственность перекладывать. За всё надо отвечать самим.

'За такой базар в том числе' В голове Олега не укладывалась возможность каких-либо изменений в преддверии войны и после только что прошедших больших чисток. Тем более в результате действий какой-то подпольной организации, куда явно вербовал его будущий родственник.

– Я слушаю – Олег откинулся на стену. Пора было переходить к конкретным предложениям.

– Ты знаешь о деле 'Промпартии'? – слегка понизив голос, спросил его Фёдор.

– Что-то читал – Олег не мог вспомнить подробностей, но то, что этим судом фактически открылся сезон Большого Террора тридцатых годов, мог сказать точно – там очень много инженеров и других технических специалистов посадили?

– Да – Фёдор ещё более понизил голос. Даже в собственном доме он не стал рисковать – открыто говорить на данную тему – Многих посадили, но тогда ещё законы были помягче – он криво усмехнулся – поэтому больших сроков не дали, а некоторых просто выслали подальше от крупных городов.

– К вам в том числе? – уточнил Олег.

– Нет, к нам нельзя, у нас стратегическая железнодорожная магистраль проходит – Фёдор сделал небольшую паузу – подальше в область. Но это неважно. Одного я вот с такого возраста знаю, его отец с моим на одном бронепоезде ездил. Он в Белгороде раньше жил, часто раньше виделись. То он к нам заедет, то я к нему. Много тогда говорили, спорили, как дальше Советская власть развиваться будет. Он мне всё Чаянова с Кондратьевым в пример ставил, считал, что их идеи для дела революции более полезны, чем те, что выдвинул Сталин с его группой.

– Ого – удивился Олег – так прямо и говорил?

– Да. Тогда, в конце двадцатых и начале тридцатых Сталин не был тем, кем он стал сейчас. Он был одним из руководителей партии, не самым видным, кстати. Сейчас про это все постарались забыть, а кто не захотел, тому помогли. Не взирая на должности и звания.

– Как Тухачевского? – хмыкнул Олег.

– Вот его-то я бы собственными руками придушил! – Фёдор неожиданно взъярился – за то, что он в Тамбове сделал! Таких же мужиков, что за Лениным пошли, газами затравил!

– Да хрен с ним, с Тухачевским – Олег грубовато прервал Фёдора – собаке собачья смерть. Мне-то, что ты предложить хочешь?

– Ты можешь принести сюда знание того, что случилось позже. Книги, где написана история падения Союза. Кто, как и за что предал народную власть. Нам нужно знать, как это случилось, а предотвратить это уже наша забота.

– Стрелять придётся – глядя теперь уже родичу прямо в глаза, сказал Олег.

– Может быть – Фёдор взгляда не отвёл – но это меня не остановит.

– Ты так уверен в успехе своего безнадежного дела? – Олег не мог скрыть своего скептицизма – сам подумай, против кого и чего ты собрался выступать? Там – он кивнул головой в сторону – государство. С чиновниками, армией и НКВД. Здесь – только ты и ещё несколько, со мной, человек. Ну и кто кого переборет, как считаешь?

Фёдор зло усмехнулся.

– Ты ошибаешься. До вашего появления всё так и было. А сейчас всё станет по-другому. Очень многие узнают, что их ждёт в будущем и это им очень-очень не понравится. Начиная от рабочего с крестьянином и заканчивая наркомом. С таким знанием одному-то жить невозможно, а когда об этом всем станет известно? Представляешь, что начнётся?

– Честно скажу, не представляю – Олег даже зажмурился, стараясь мысленно увидеть эти зияющие перспективы – но мне всё-таки кажется, что власти этого не допустят.

– А что от них останется, от властей-то? – засмеялся Фёдор – когда народным массам станет известно, как власть эта народное достояние в карман сложила и трудящимся массам вот такую – он показал – дулю выкатила? Кто за этих вырождаков встанет, когда до дела дойдёт? Кто предателей революции защищать будет?

– Ну, знаешь, Фёдор – Олег даже несколько растерялся – твоя уверенность конечно, впечатляет. Но она мне кажется, ну, несколько наивной, что ли. Или ты мне всё-таки о чём-то не договариваешь? До сегодняшнего дня ты ведь не стремился выводить Советскую власть на путь истинный?

– А мне не надо было, я считал – спятила старуха перед смертью. Думал так, пока вы не здесь появились.

– Какая старуха? А мы то причём? – Олег устал удивляться. Жить в эпоху смутных чудес уже откровенно задалбало.

– При том – Фёдор подошёл почти вплотную к Олегу, как несколько часов ранее – про вас мне, пацану, ещё в семнадцатом тётка Антонины сказала.

– Таки про нас? – на остатках сарказма продолжил Олег.

– Про вас – Фёдор шутку не принял – она тогда из Прохоровского дома к себе возвращалась, мимо станции проходила, а я ей навстречу попался. Окликнула она меня и говорит 'Когда твоя внучка родит раньше бабушки, ты изменишь всё, что захочешь. Запомни мои слова, племянник нежданный!'. Стукнула о землю палкой и дальше пошла, а я столбом стоять остался, вслед ей смотрел. В свою родню меня зачислила, надо же!

– Так мы ещё не ... – начал, Олег и понял, что сболтнул лишнее.

– Не обольщайся, правнучек – в голосе Лапина прорезалась неприкрытая ирония – это уже случилось.

– ?

– Сам подумай. Мама Вероники приходится внучкой Антонине, так?

– Так.

– Всё – Фёдор развёл руками – У меня всё получится, ведь внучка родила раньше бабушки.

– Что-то я не въехал – Олег обхватил голову ладонями – как она могла родить раньше, если ... ага – он стал лихорадочно соображать – внучка и бабушка сейчас существуют одновременно, так. У бабушки ребёнку двенадцать лет, у внучки ... – он не спросил у Вероники сколько ей лет – двадцать точно. Да, получается – он почти обалдел от полученного резуль-

тата – ребёнок внучки старше ребёнка бабушки, значит, внучка родила раньше. Ни хрена себе относительность, Эйнштейн отдыхает!

Олег устало откинулся на стену и прикрыл глаза. То, что он сейчас услышал, не лезло ни в какие ворота.

– Надо всё обдумать – сообщил он Фёдору.

– Думай. Время пока есть – голос Лапина удалился, видимо он вышел из горницы в крайнюю комнату, затем половицы проскрипели в сторону кухни.

'Вот повезло' Олег пытался как-то разложить все события по надлежащим им местам 'Поехал фуру встречать, называется. Вызвался, блин. Проехал бы он без проблем, в первый раз что ли? Потом авария, встретил Веронику. Запишем в плюс. Авария не в счёт, одна машина не пострадала, вторая исчезла. Форс-мажор. Дальше еле выбрались с границы времён, повезло. То же плюс. Сам чуть копыта не откинул, Веронике спасибо. вытащила. Ещё один плюс. Потом, ... а какого ... рожна Вероника рванула в Долбино? Ночью она благополучно проехала мимо. Ну, дальше понеслось. Встреча с прошлым, остановка поезда, недобдивший чекист. Поездка в Октябрьский и возврат в СССР, блин, как в песне. Вероника ...' Он вспомнил прижавшуюся к нему девушку и, не раздумывая, прогнал пленительный образ. Голова пока должна быть холодной, а сердце и так полностью принадлежало Нике. Отныне и навсегда.

Фёдору он, в принципе, уже согласился помочь. Судя по сегодняшнему дню, на 'рас-трескивание' закатанной до уровня бетонной площадки, ровной и сухой, гражданской активности населения СССР, нужно не так много времени. Чуть информации из будущего прольётся на это бетонное поле, так толстый серый слой 'одобрямса' лопается и разваливается на отдельные, рассыпающиеся в пыль, куски. Из народных глубин сначала робко, а потом всё сильнее и настойчивей начинают рваться к вольному Солнцу назойливые вопросы, ехидные комментарии и острые рассуждения о несбывшихся ожиданиях. Но это только слова, вскорости на суковатых ветвях выросшего дерева сомнений начнут вызревать плоды недовольства и решительных действий. Плодоносный сезон обещает быть весьма жарким.

Олег постарался отогнать от себя общеполитические рассуждения и постарался сосредоточиться на более близких к нему планах и перспективах. 'Ещё Веронику поспрашивать надо. Нехорошо к любимой девушке с такими вопросами приставать, а придётся. Что же её ночью в дорогу понесло, и почему она в Долбино рванула?' Про историю с родовой клятвой он пока постарался забыть. Чувствовал, что Вероника сама расскажет, и ждать этого осталось недолго.

Сквозь занавеску и открытое окно донеслись весёлые детские голоса. Почти сразу же в горницу толпой ввалились дети – все трое. Впереди Максим с Леной в серых рубашках до полу, сразу за ними – Полина в новеньком ярко-жёлтом халате. Пушистом и явно для неё большим. Антонина, скорее всего, купила его на вырост. Расти Полине до нужных кондиций, предстояло ещё достаточно долго – из подвёрнутых рукавов торчали худющие, как первые весенние побеги, руки, голова на тощей шее практически потерялась в накинутах капюшоне. 'Настоящий цыплёнок, но не бройлер' подумал Олег.

– С лёгким паром! – сказал им Олег.

– Спасибо! – за всех ответил Максимка

Полина почувствовала ироничное к себе отношение и, надувшись, стала командовать самыми младшими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.